ISSN 2949-5725

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 1 (6) 2025

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.
Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».
Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: ПИ № ФС77-86059 от 13.10.2023 г.
Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.
Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.
Журнал издается при поддержке научно-издательской группы **«ЮРКОМПАНИ»**.
Адрес типографии: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: https://mdprint.ru.
Дата выхода в свет: 25.03.2025. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 7.3. Тираж 100 экз. Свободная цена.
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** https://lawstate-journal.ru.
Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.
Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 1 (6) 2025

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.
Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»
Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.
Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Registration number: PI №. FS77-86059 of 13.10.2023.
Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.
Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.
The journal is published with the support of research and publishing group **«YURKOMPANI»**.
Printing house address: 450005, Ufa, Russian Federation, OOO MediaPrint, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: https://mdprint.ru.
Release date: 25.03.2025. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 7.3. Circulation of 100 copies. Free price.
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Tel.:** + 7-903-31-25-790. **Website:** https://lawstate-journal.ru.
The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024
Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue GC "Ural-Press" - on the website www.ural-press.ru.

12+

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);
Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);
Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);
Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);
Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);
Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);
Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);
Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;
Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);
Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель отдела научных публикаций;
Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;
Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;
Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права
юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;
Киреев Валерий Витальевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета;
Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;
Миронов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);
Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;
Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;
Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;
Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;
Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИГП РАН;
Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН;
Нырков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;
Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;
Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL BOARD

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal "Law and Statehood".

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Scientific Publications;
Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;
Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;
Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law
Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;
Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;
Kireev Valery Vitalievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Legal Disciplines of Chelyabinsk State University;
Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;
Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);
Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;
Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;
Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;
Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;
Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;
Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;
Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Самигуллин В.К.
О теориях происхождения государства 8

Нурисламов А.С.
Роль христианства в утверждении российской государственности в Башкирском крае 17

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Шайхуллин М.С.
О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина 22

Булатова З.А.
Учет исторических и иных местных традиций в правовом регулировании местного самоуправления 28

Каримов А.С.
Конституционно-правовое регулирование языковых отношений 33

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Галицкая Н.В.
Безопасность женского труда 37

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Мышакова С.П.
Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют 43

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бадретдинов А.И.
Исторический аспект уголовно-правового регулирования незаконного оборота алкогольной продукции в Советский период 47

Бабаева К.Р.
Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами 51

Хасанова З.И.
Врачебная ошибка: уголовно-правовой аспект 57

АДВОКАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Шайхуллин М.С.
Принцип нравственности в адвокатуре 62

РЕЦЕНЗИИ

Самигуллин В.К.
Рецензия на монографию В.М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. – Москва: Блок-Принт, 2022. – 176 с. 69

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 75

Contents

THEORY OF STATE AND LAW

Samigullin V.K.
About theories of the origin of the state 8

Nurislamov A.S.
The role of Christianity in the establishment of Russian statehood in the Bashkir Territory ... 17

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Shaikhullin M.S.
On the importance of constitutional and legal guarantees in protection human and civil rights and freedoms 22

Bulatova Z.A.
Taking into account historical and other local traditions in the legal regulation of local self-government 28

Karimov A.S.
Constitutional and legal regulation of language relations 33

LABOR LAW

Galitskaya N.V.
Safety of women's work 37

CIVIL LAW

Myshakova S.P.
Legal regulation of digital financial assets and digital currencies 43

CRIMINAL LAW SCIENCES

Badretdinov A.I.
The historical aspect of the criminal law regulation of illegal alcohol trafficking in the Soviet period 47

Babaeva K.R.
Protection of the rights and interests of minors by criminal law 51

Khasanova Z.I.
Medical error: criminal law aspect 57

ADVOCACY ACTIVITY

Shaikhullin M.S.
The principle of morality in the bar 62

REVIEWS

Samigullin V.K.
Review of V.M. Baranov's monograph «Positive Legal Responsibility»: controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. – Moscow: Block Print, 2022. – 176 p. 69

INFORMATION FOR AUTHORS 75

Научная статья
УДК 321.01
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.001

О теориях происхождения государства

В.К. Самигуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
svenir@internet.ru

Аннотация. В статье предлагается рассматривать учения о происхождении государства, классифицируя их в определенные группы. На взгляд автора статьи, все учения о происхождении государства могут рассматриваться в рамках деления их на традиционные и современные. Наука там, где закономерность. Можно ли, изучая различные теории в сопоставлении с фактами действительности, установить важнейшие причины зарождения государства и основные пути его развития? Основываясь на данных современной науки (археологии, этнографии, антропологии, истории и др.), предлагается различать восточный и западный пути формирования государственности. Автор обращает внимание, что государства не только образуются, а еще распадаются, гибнут и вновь возрождаются. Хотя эти аспекты проблематики государственности, связанные с темой происхождения (образования) государства и его развитием, в теоретическом отношении разработаны еще недостаточно.

Ключевые слова: государство, происхождение, теории, классификация, пути формирования государственности, Восток, Запад.

Для цитирования: Самигуллин В.К. О теориях происхождения государства // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 8–16.

Original article

About theories of the origin of the state

V.K. Samigullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
svenir@internet.ru

Abstract. The article proposes to consider the teachings on the origin of the state, classifying them into certain groups. In the opinion of the author of the article, all teachings on the origin of the state can be considered within the framework of their classification into traditional and modern. Science is where the pattern is. Is it possible, studying various theories in comparison with the facts of reality, to establish the most important reasons for the birth of the state and the main ways of its development? Based on the data of modern science (archeology, ethnography, anthropology, history, etc.), it is proposed to distinguish between the eastern and western ways of the formation of statehood. Moreover, States are not only formed, but also disintegrate, perish and revive again. Although these aspects of the problem of statehood are related to the topic of the origin (education) of the state and its development, in theoretical terms, they have not yet been sufficiently developed.

Keywords: state, origin, theories, classification, ways of forming statehood, East, West.

For citation: Samigullin V.K. About theories of the origin of the state // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 8–16.

В двух номерах журнала «Право и государственность» – в номерах 1 (1) 2023 г. и 3 (4) 2024 г., – помещены две мои статьи, посвященные следующим концепциям происхождения государства: патриархальной и теологической. Однако на самом деле учений о происхождения государства не два, а много больше. Так, Татьяна Васильевна Кашанина выделяет 15 своеобразных теорий о происхождении государства. Назовем их. Это – ирригационная, патриархальная, теологическая, расовая,

© Самигуллин В.К., 2025.

инцестная, спортивная, патримониальная, органическая, экономическая, классовая, психологическая, договорная, диффузионная теории, а также теории насилия и специализации [1, с. 51–103]. Существуют также и другие авторские подходы к рассмотрению учений о происхождении государства [2, с. 97–152; 3, с. 30–32; 4, с. 43–46; 5, с. 48–59].

Причем одни авторы, считая, что происхождение государства и происхождение права подчинены одним и тем же общим закономерностям, находят необходимым и возможным вести речь об общей для государства и права теории происхождения. Другие же склоняются к тому, что, хотя государство и право – взаимосвязанные явления, происхождение их все же неодинаково, особенно если различать юридическое право (законное право) и неюридическое (например, обычное право или народное право). Следовательно, более адекватным действительности является, на их взгляд, подход, который предполагает исследование проблемы происхождения государства и права отдельно применительно к государству, отдельно – к праву. А это ведет к развитию, с одной стороны, теории о происхождении государства, а с другой – теории о происхождении права.

В интересах более основательного освоения происхождения государства все учения, относящиеся к этой проблеме, желательно рассматривать в рамках определенной методологии, которая предполагает использование различных исследовательских методов и средств, способов и приемов; в частности, такого методологического приема, который может быть обозначен как классификация.

В юридической литературе советского периода все известные учения о происхождении государства (равно и права) было принято подразделять на следующие группы: научные и ненаучные, даже антинаучные. Научным признавалось только марксистско-ленинское объяснение происхождения государства. Все же остальные теории оценивались как ненаучные (антинаучные). Мотивировалось это тем, что истина как соответствие мысли объективной реальности одна и что теория имеет научное значение лишь постольку, поскольку содержит истину. Считалось, что правильной теорией является только марксистко-ленинское учение о природе, обществе и мышлении. Следовательно, лишь она одна (только эта теория) может давать верное освещение исследуемым явлениям и процессам, в частности, происхождению государства[1]. Такой подход не разделяется теми, кто считает, что он не является подлинно научным, поскольку в нем заявлена претензия на монополию в области знания, истины, что несовместимо с принципами подлинной научности. На их взгляд, настоящей науке более соответствует принцип, предполагающий, чтобы под одним солнцем расцветали сотни различных цветов – ростков знания. А с этой точки зрения, более конструктивна сложившаяся в постсоветское время методология, по которой принято уделять равное внимание всем наиболее известным учениям о происхождении государства.

Учений о происхождении государства столь много и они столь разноплановы, что возможны их различные классификации. Все зависит от того, какой критерий положен в основу той или иной классификации. Представляется, что не противоречит научному походу, а напротив, полностью отвечает ему исследование данного вопроса, подразделяя все учения о происхождении государства на две большие группы: традиционные и современные.

К традиционным учениям о проис-

[1] Критикуя этот подход, некоторые делают ставку на религию, в частности, на православие, считая, что люди, воспитанные в христианских традициях, не допустят подобного. Однако в христианстве, включая православие, как и в любой другой религии, существенны определенные догмы, которые не терпят никаких отклонений и отступлений. В религии главное – вера, символ веры, все сомнения прочь. А если среди верующих сомневающиеся все же появляются, как быть с ними? Выход: считать их взгляды ложными, а самих неверными и … не считаться ни с их взглядами, ни с ними самими. А еще лучше, заклеймив позором как еретиков, уничтожить их физически. Истина одна, а лжи много. Не может быть двух верных мнений, если верное мнение уже сформировано и канонизировано. Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем. Спрашивается: чем же такая логика церковного ортодокса, верующего во Всевышнего, лучше той логики, которой придерживаются ортодоксальные марксисты-ленинцы, убежденные в верности только своего учения?

хождении государства могут быть отнесены следующие теории (концепции, доктрины):

– патриархальная (Конфуций, Аристотель, Роберт Фильмер);

– теологическая (Иоанн Дамаскин, Аврелий Августин, Фома Аквинский);

– договорная (или естественно-правовая) (Гуго Гроций, Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, А.Н. Радищев);

– органическая (Герберт Спенсер);

– психологическая (Л.И. Петражицкий);

– насилия (или завоевания) (Евгений Дюринг, Людвиг Гумплович, Карл Каутский);

– патримониальная (Карл Лювиг Галлер);

– расовая (Жозеф Артюр де Гобино);

– классовая (К. Маркс и Ф. Энгельс, В.И. Ленин);

– спортивная (Ортега-и-Гассет);

– юридическая (правовая) (Н.М. Коркунов, Н.Е. Трубецкой);

– концепция возникновения государства в результате разделения целого на части (И.Г. Фихте).

Наука, в том числе юридическая, не стоит на месте. Она развивается. В последние годы сформировались новые взгляды и подходы к предмету происхождения государства. К современным учениям о происхождении государства могут быть отнесены:

– гидравлическая (или ирригационная) (Карл Виттфогель);

– инцестная (половая) (Клод Леви Стросс);

– кризисная (А.Б. Венгеров);

– специализации (Т.В. Кашанина);

– антропологическая (Э.А. Поздняков);

– государство как результат компромисса, обусловленного законом всеобщего равновесия (В.П. Коряков и М.К. Маликов);

– эстетическая (Якуб Буркхардт);

– паранаучная.

Если свести все приведенное в таблицу, то получится следующее.

Таблица

УЧЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОСУДАРСТВА	
ТРАДИЦИОННЫЕ	СОВРЕМЕННЫЕ
I	II
патриархальная	гидравлическая
теологическая	инцестная (половая)
договорная, или естественно-правовая	кризисная
органическая	специализации
психологическая	антропологическая
насилия, или завоевания	государство как результат компромисса, обусловленного законом всеобщего равновесия
патримониальная	эстетическая
расовая	паранаучная
классовая	
спортивная	
юридическая (правовая)	
концепция возникновения государства в результате разделения целого на части	

Наука там, где закономерность. Можно ли, изучая различные теории в сопоставлении с фактами действительности, установить важнейшие причины зарождения государства и основные пути его развития?

Данные современной науки (археоло-

гии, этнографии, антропологии, истории и др.) позволяют уверенно утверждать, что догосударственное общество, которое принято именовать первобытным общинным строем, заняло в истории человечества более тридцати тысячелетий и прошло в своем развитии несколько периодов. Так, в исторической науке хорошо представлены три периода: 1) ранний период первобытного общества, или эпоха становления первобытного общинного строя; 2) период зрелого первобытного общества, где первобытный общинный строй существует в чистом виде; 3) период разложения первобытного общества, когда идет процесс распада первобытно-общинного строя и его постепенной замены государством. Для первобытного общинного строя характерны две основные формы объединения людей (что особенно выразительно представлено в зрелом первобытном обществе) – род и племя.

Род – исторически первая форма объединения людей. Род – это семейно-производственный союз, который основан на кровном или предполагаемом кровном родстве, общей собственности, коллективном труде, совместном потреблении и социальном равенстве. В роде все свои (сородичи). Чужих здесь нет.

Род представлял собой самоуправленческую единицу, где все принципиальные вопросы решались родовым собранием, состоящим из всех взрослых членов рода. Для решения повседневных, текущих дел из числа наиболее авторитетных членов рода избирался старейшина. На время военных действий (наступательных или оборонительных) род избирал военного предводителя – вождя, а также некоторых других «должностных лиц»: колдунов, шаманов, жрецов. Никто из избранных никакими особыми привилегиями не обладал.

Племя – более крупное социальное образование первобытного общества. Оно возникло позднее рода и представляло собой объединение нескольких родов: родственных и не родственных. В племени организация власти и управления была примерно такой же, что и в родовой общине, разве что масштабней и принципиальней.

Могло быть собрание племени (народное собрание, например, вече – у русских, тинг – у древних исландцев и у некоторых других западных европейских народов, ҙыен/йыен – у татар/башкир). Но чаще в качестве основного органа власти и управления был совет старейшин (вождей), куда входили старейшины, вожди, военачальники, богатыри (батырлар) и другие видные представители родов, составляющих племя. Совет старейшин решал все важнейшие вопросы жизнедеятельности племени при широком участии народа. Для решения текущих вопросов, а также на время военных походов избирался вождь племени[1]. Никаких властных и управленческих структур, никакого аппарата принуждения, оторванных от общества, в зрелом первобытном обществе не существовало[2].

Вместе с тем параллельно с родовой организацией возникали и социальные объединения не по признаку родства, а по признаку совместного проживания на определенной территории или в результате общей профессиональной деятельности. Таковы фратрии (братства) и союзы племен. Фратрии (братства) – искусственные социальные объединения нескольких связанных родственными узами родов или первоначальные разветвленные роды. Союзы племен – социальные объединения, которые возникли у многих народов, но уже в период разложения первобытно-общинного строя.

Как быстро государство, зародившееся в недрах этого общества, появляется и как скоро оно утверждается в обществе в каче-

[1] Так, у казаков эта традиция сохранилась в следующем виде. В мирное время главой казачьего общества является атаман, но на время военных действий казаки из своей среды избирают походного атамана. Получается: один атаман выполняет гражданские функции, а другой – военные.

[2] Принято считать, что род и племя – социальные образования, канувшие в Лету. Между тем подобные образования встречаются даже сейчас во вполне цивилизованных обществах с развитыми государственными структурами. Так, цыган можно встретить практически во всех частях света. Во многих местах они столь основательно сплочены в самоуправленческие общины с баронами во главе, что, ведя себя нецивилизованно, создают серьезные проблемы не только для нецыганского населения, но и для государственных и муниципальных органов власти. См.: Российская газета. 2011. 29 сентября. № 217 (5593).

стве принципиально нового социального института? При ответе на этот вопрос еще недавно было принято считать, что в результате образования прибавочного продукта, частной собственности, раскола первобытного общества по этой причине на антагонистические классы (класс имущих и класс неимущих) в развитии этого общества происходит «скачок», который ведет к появлению государства. При этом первоначально оно (государство) предстает на исторической арене как рабовладельческое. Причем вслед за Фридрихом Энгельсом (1820–1895) полагали, что существуют три формы образования рабовладельческого государства: афинская, римская и германская. Общий же вывод таков: возникновение государства – закономерный этап развития человеческого общества. Люди отделяются от остального живого мира и переходят к новым формам совместной жизни и деятельности, потому что прежние, старые формы уже не отвечают вызовам нового времени [6, с. 23].

Сегодня этот общий вывод редко оспаривается. Вместе с тем все более утверждается взгляд, согласно которому общество трансформируется в новое состояние постепенно, поэтому возникновение государства как социального института, отличного от власти и управления, характерного первобытному общинному строю, представляет собой процесс, и причем достаточно продолжительный во времени. Приводятся доводы в пользу того, что едва ли после первобытного общинного строя сразу возникло классовое общество с рабовладельческим способом производства, требующее рабовладельческого государства. Предполагается, что, скорее всего, на основе разрушающегося первобытно-общинного строя постепенно складывался новый социальный строй, в котором на начальных стадиях его развития действенной силой были сословия – те социальные слои, которым было еще чуждо ярко выраженное классовое расслоение. Отстаивается идея, что факторов, приведших к образованию государства, было несколько. Особое внимание уделяется неолитической революции, имевшей место 10–15 тысяч лет тому назад. Высказана мысль, что следует различать первичные государства и вторичные, даже третичные, четвертичные. Утверждается, что наиболее надежным показателем наличия или отсутствия государства является существование у того или иного народа города (полиса), выполняющего многочисленные функции, в частности, административные, идеологические, культурные и экономические (ремесло, торговля). Не исключается возвратное движение, т. е. допускается процесс, приводящий к возвращению от сложившейся и кажущейся прочной государственности обратно к первобытно-общинному строю.

Исходя из данных современных исследователей, в качестве важнейших причин зарождения и появления государства можем указать на следующее:

1) необходимость совершенствования управления обществом в связи с его усложнением;

2) необходимость организации крупных общественных работ, требующих в этих целях объединения больших масс людей;

3) необходимость преодоления конфликтов в обществе и его государственности между группами населения, носителями интересов, в основе которых – противоречия социального развития;

4) крайняя актуализация проблемы войны и мира, необходимость ведения войн, как оборонительных, так и захватнических;

5) необходимость поддержания в обществе порядка, обеспечивающего функционирование общественного производства, социальную устойчивость общества, его стабильность, в том числе и по отношению к внешнему воздействию со стороны соседних государств или племен;

6) необходимость обеспечения более или менее справедливого регулирования общественных отношений, где представления о добре и зле неоднозначны и соотношение сил добра и зла различно.

Конструктивен взгляд, отстаиваемый рядом мыслителей и ученых-юристов, согласно которому государство формируется не одним путем, а несколькими. Так, имеются определенные основания вести речь

о: восточном и западном путях формирования государства.

Первые очаги цивилизации возникли не на Западе, а на Востоке. Древний Египет и Шумер, Финикия и Ассирия, Древняя Индия и Древний Китай – вот первые крупные центры цивилизации и культуры, первые образцы полноценной государственности. В Восточной Азии еще в первом тысячелетии до н. э. (задолго до Вестфальской системы (до 1648 г.)) сложился миропорядок, основанный на традиционных китайских представлениях о международных отношениях.

Для восточного пути формирования государства характерно то, что оно возникает на основе сложившегося в первобытном обществе аппарата управления (здесь «должностные лица», выполнявшие функции социального управления и контроля, постепенно превращаются в привилегированную и замкнутую прослойку, особую касту чиновников, ставшую основой, людским субстратом, государственного аппарата). Существенное значение на темпы, способ, формы образования государства имели географические особенности среды обитания (лес, степь, горы, водоемы и т. д.); особенности образа жизни; пассионарность населения; угрозы, исходящие от окружающей среды и соседних народов, и т. д.

Здесь основным средством производства является земля. Она находится формально в собственности общин. Общинники считаются свободными. Фактически же все становится государственной собственностью, включая личность и жизнь всех подданных, бюрократически – чиновничьего аппарата во главе с абсолютным монархом. Этот монарх, деспот – а он может именоваться по-разному: «падишах», «шах», «хан», «бек», что в данном случае не существенно – заменяет вождя. А его ближайшие советники, визири занимают место совета старейшин. Далее следуют сановники/чиновники более низкого ранга, которые смещают иных знатных людей общества, имеющего родоплеменное устройство. Всех же их содержат сельскохозяйственные общинники, общины которых постепенно теряют родовой характер. Возникает пирамидальная восточная монархия, олицетворяя восточный путь становления государства [7][1].

Западному пути возникновения государства присуще разделение общества на сословия и классы, в основе которых – частная собственность на землю, скот, рабов и другие средства производства в чистом виде. Постепенно формируемая такая частная собственность становится основой (фундаментом, базой) для утверждения экономического господства имущих классов. Концентрация частной собственности у немногих позволила им овладеть институтами публичной власти и использовать их для защиты своих потребностей и интересов. В итоге наиболее состоятельные члены общества, а это, как правило, родоплеменная знать, оказываются господствующими не только в экономической сфере, а и в политической.

Появляется западное государство, которое где-то рабовладельческое (Древний Рим), а где-то феодальное (Древнерусское государство). Уместно заметить, что к началу новой эры в мире сложились две примерно равные по силе и значению мировые империи – империя Хань на Востоке и Римская Империя на Западе.

Западный путь формирования государства изучен лучше. С этим связана некоторая «однобокость» освещения процесса возникновения, становления и развития государства: абсолютизация западного пути и недооценка восточного пути. Восточный путь формирования государства именуют еще и азиатским. Однако это не точно. На сегодня много данных, говорящих в пользу того, что по восточному пути развития пошли не только государ-

[1] Исследуя восточный путь становления государства (шире – государственности), Леонид Сергеевич Васильев (1930–2016) отстаивает идею, согласно которой до второй трети I тысячелетия до н. э. особых различий между Востоком и Западом не было. Был лишь один Древний Восток, которых состоял из двух миров: цивилизованного и нецивилизованного (варварского). При этом цивилизованный мир Древнего Востока был в своей основе един. Дихотомия Восток – Запад образуется лишь с возникновением античной Греции, где и были заложены основы общества западного типа: античной Европы, цивилизованного Запада.

ства Азии, но и государства в Восточной Европе, Африке и доколумбовой Америке.

Восточный путь развития общества и формирования государства консервативен, здесь большое внимание уделяется духовности человека, традиционным социальным институтам. Западный путь – динамичен, техногенен, здесь ярко проявляется приверженность наиболее активной части населения к осуществлению смелых и масштабных модернизационных проектов. Несмотря на эти различия между восточным и западным путями развития общества и формирования государства, Запад влияет на Восток, а Восток – на Запад [8].

Виталий Васильевич Оксамытный считает возможным выделять еще и третий путь возникновения и развития государства – смешанный. Мотивирует это он тем, что к образованию государства общество «подталкивает» ряд жизненных обстоятельств, факторов (угроза нашествия со стороны воинственных соседей, чрезвычайная активность носителей какого-то религиозного учения и др.). На взгляд профессора, в реальных условиях конкретного исторического пространства и времени некоторые из этих факторов могут играть даже определяющую роль [9, с. 80–81].

Кроме того, следует принять во внимание и то, что имеются данные, свидетельствующие о том, что в развитии древнего общества существовал некоторый период, который может быть обозначен как предгосударственный. Это время военной демократии, характерной для зрелого первобытно-общинного строя, время образования так называемого протогосударства – оно еще не настоящее государство, но оно уже и не родоплеменное общество. Для него характерно сочетание элементов первого и второго, т. е. государственности и родоплеменного общества. Ряд исследователей именует такое образование еще «чифдом» или вождеством (в переводе с английского chief – вождество, главенство; начальник, предводитель).

Власть вождя, предводителя, главаря общины формируется путем выборности, особенно в период войны и военных конфликтов: военных походов, защиты от нападений и т. д. Выбрать вождя может либо вся община, либо дружина, которая формируется и сплачивается вокруг вполне определенного авторитетного лица.

Таким образом, можно достаточно уверенно констатировать, что государство как явление конкретно и исторично. Было время, когда государства не было. Самые первые государства (первичные государства) возникли гораздо позже первых людей на Земле. При этом становление государственности шло несколькими путями.

Вопрос о происхождении государства порой недооценивается. Между тем это исключительно богатая тема, сложная и интересная. Здесь еще много непознанного. Зависит ли возникновение государства от процессов, происходящих в космосе, от климата, демографической ситуации? Можно ли торговлю рассматривать как существенный фактор формирования государственности? Существует ли зависимость между пассионарностью того или иного народа и образованием государства? Приемлемо ли понятие «племенное протогосударство» или лучше вести речь просто о протогосударстве?

Отдельного рассмотрения заслуживает дискуссия между сторонниками «норманнской теории» происхождения древнерусской государственности и противниками этой теории.

Значительный интерес представляет земская теория происхождения древнерусского государства, предложенная Михаилом Флегонтовичем Владимирским-Будановым (1838–1916). С его точки зрения, такие элементы государства, как род, задруга и др., были последовательно пережиты древними восточными славянами в процессе развития общества и становления государственности, характеризующегося ослаблением кровных начал и преобладанием территориальных. В результате сложилось государство – земля, представляющая собой союз волостей и пригородов под властью старшего города. Отсюда – основным элементом древнерусского государства являются не княжество и не родоплеменные отношения, а территориальные. Согласно земской теории призванные

князья-варяги застали везде на Руси уже готовый государственный строй. По Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711–1765), факт призвания варягов может свидетельствовать только о норманнском происхождении княжеской династии, а не русской государственности в целом, которая не может возникнуть на неподготовленной почве.

Государства не только образуются. Они еще распадаются, гибнут и даже вновь возрождаются. Показательна история римского государства[1] [10]. Распад государств, их гибель, возрождение – интереснейшие вопросы, связанные с темой происхождения (образования) государства. Но в теоретическом отношении они разработаны еще слабо. Вопросы, вопросы и ... вопросы, от которых никак нельзя отмахнуться, если претендовать на действительно научный подход к рассмотрению темы происхождения государства и развития его.

Список литературы

1. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы : учебное пособие. М. : Юристъ, 1999. 335 с.
2. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2-х т. Т. 1. Государство. 2 е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2007. 752 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : курс лекций. М. : Юристъ, 1997. 671 с.
4. Перевалов В.Д. Теория государства и права. М. : Издательство «Юрайт», 2010. 379 с.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 11-е изд., стер. М. : Издательство «Омега-Л», 2017. 607 с.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 23–178.
7. Васильев Л.С. История Востока : учебник для магистров : в 2 т. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2011.
8. Габитов М.Р. Закономерности становления западной государственности : учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 264 с.
9. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 512 с.
10. Ростовцев М.И. Рождение Римской империи / вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. М. : Издательский дом «Книжная находка», 2003. 160 с.

References

1. Kashanina T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. Sovremennye traktovki i novye podhody : uchebnoe posobie. M. : Yurist», 1999. 335 s.
2. Marchenko M.N. Problemy obshchej teorii gosudarstva i prava. V 2-h t. T. 1. Gosudarstvo. 2 e izd., pererab. i dop. M. : TK Velbi : Izd-vo Prospekt, 2007. 752 s.
3. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lekcij. M. : Yurist», 1997. 671 s.
4. Perevalov V.D. Teoriya gosudarstva i prava. M. : Izdatel'stvo «Yurajt», 2010. 379 s.
5. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava. 11-e izd., ster. M. : Izdatel'stvo «Omega-L», 2017. 607 s.
6. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K. i Engel's F. Soch. T. 21. S. 23–178.
7. Vasil'ev L.S. Istoriya Vostoka : uchebnik dlya magistrov : v 2 t. 6-e izd., pererab. i dop. M. : Izdatel'stvo «Yurajt», 2011.
8. Gabitov M.R. Zakonomernosti stanovleniya zapadnoj gosudarstvennosti : uchebnoe posobie. Ufa : RIC BashGU, 2008. 264 s.
9. Oksamytnyj V.V. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu «Yurisprudenciya». M. : YuNITI-DANA, 2011. 512 c.
10. Rostovcev M.I. Rozhdenie Rimskoj imperii / vstup. st., komment. i primech. A.V. Arsent'eva. M. : Izdatel'skij dom «Knizhnaya nahodka», 2003. 160 s.

[1] Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) пишет: «Раз появившись и укрепившись, Римская империя, все более и более выявляющая свое абсолютистское лицо, существует непрерывно ряд столетий, погибая только вместе с гибелью римского государства или, вернее сказать, переживая эту гибель и возрождаясь в новой обстановке и в новых условиях». См.: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи / вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. М. : Издательский дом «Книжная находка», 2003. С. 11.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, professor at the Departament of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 20.01.2025; approved after 28.02.2025; review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 340.15
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.002

Роль христианства в утверждении российской государственности в Башкирском крае

А.С. Нурисламов
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье на примере православия рассматривается роль религиозного фактора в утверждении российской государственности в Башкирском крае в досоветский и советский периоды. Отмечается, что в целом религиозный фактор, если правильно выстроить отношение к нему, играет положительную роль. Однако в Советский период роль христианства в развитии общества недооценивалась. Политические органы, используя административные меры, намеривались превратить социум полностью в атеистическое общество. В этой связи имели место перегибы, незаконные привлечения к уголовной ответственности религиозных деятелей, священников. В современной России законодательство не препятствует гражданам российского государства, в том числе проживающим в Башкирском крае, придерживаться той или иной веры. Запрещается лишь создание и деятельность общественных объединений, цели и задачи которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Ключевые слова: религия, православие, Башкирский край, Уфимская епархия, законодательство.

Для цитирования: Нурисламов А.С. Роль христианства в утверждении российской государственности в Башкирском крае // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 17–21.

Original article

The role of Christianity in the establishment of Russian statehood in the Bashkir Territory

A.S. Nurislamov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article on the example of Orthodoxy examines the role of the religious factor in the establishment of Russian statehood in the Bashkir Territory in the pre-Soviet and Soviet periods. It is noted that, in general, the religious factor, if the attitude towards it is correctly built, plays a positive role. However, in the Soviet period, the role of Christianity in the development of society was underestimated. Political bodies, using administrative measures, intended to turn society completely into an atheistic society. In this regard, there were excesses, illegal prosecution of religious figures and priests. In modern Russia, legislation does not prevent citizens of the Russian state, including those living in the Bashkir Territory, from adhering to one or another faith. Only the creation and activities of public associations are prohibited, the goals and objectives of which are aimed at forcibly changing the foundations of the constitutional order and violating the integrity of the Russian Federation, undermining the security of the state, creating armed groups, inciting social, racial, national and religious hatred.

Keywords: religion, Orthodoxy, Bashkir Territory, Ufa Diocese, legislation.

For citation: Nurislamov A. S. The role of Christianity in the establishment of Russian statehood in the Bashkir Territory // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 17–21.

Ни в какое время субъективное отношение к религии отдельных лиц «из глубинной толщи народа» не характеризуется однозначностью. Но как данность религия играет определенную роль в развитии общества и его государственности. Показательна практика мировых религий: христианства, ислама. Некоторые в качестве мировой религии рассматривают и буддизм [1, с. 7]. Однако это, представляется,

© Нурисламов А.С., 2025.

не совсем точно. Так, по словам профессора В.К. Самигуллина, буддизм–религиозно окрашенная философия, а не религия [2, с. 9]. И в этом он не одинок. Профессор и другие, рассуждающие так же, как он, думается, правы. Ведь Будда все же не Бог и не Пророк. Кроме того, в буддизме существуют неясности в символе веры, чему придается особое значение в христианстве и исламе, которые действительно мировые религиозные системы. Вместе с тем, думается, в ретроспективном отношении к мировой религии может быть отнесено язычество, поскольку в давние времена, еще до появления монистических религиозных систем, оно было распространено повсеместно. И в определенной степени эта религия сохраняет свое значение и ныне. Так, в современной России часть марийцев (черемисов, как именовали их в дореволюционной имперской России) – достаточно крупного финно-угорского этноса, насчитывающего более 400 тысяч человек, – все еще является приверженцем язычества.

Какова роль религиозного фактора в утверждении российской государственности в Башкирском крае? Трудность ответа на этот вопрос обусловлена тем, что полиэтническое население Башкирского края ориентируется в религиозном отношении издавна частью на христианство, а частью–на ислам. Не перевелись и атеисты, а также просто неверующие.

Христианство в Башкирском крае представлено религиозным сообществом в рамках Уфимской епархии, которая является частью Русской Православной Церкви (сокращенно – РПЦ). Не было еще России, была Московская Русь. И в плане устройства Русской Православной Церкви территория ее делилась уже тогда на двенадцать церковных округов – епархий.

Как самостоятельное духовное управление Русской Православной Церкви Уфимская епархия существует с 1799 года. Она была открыта для обеспечения лучшего управления в духе традиционных ценностей российской государственности населением обширного Башкирского края, охватываемого образованной в 1743 году Оренбургской губернией.

Границы Уфимской епархии менялись неоднократно. По своему духовному управлению Уфа относилась то к Казани, то к Оренбургу, то к Тобольску, то к Перми, то к Вятке. Одно время основу административно-территориального устройства Оренбургской губернии составляла территория, охватывающая своими границами почти миллион квадратных километров. Разумеется, в силу этого в условиях слабого развития коммуникативных средств возникали большие сложности в решении управленческих задач, как в административном отношении, так и в духовном.

В 1859 году образуются две епархии: Уфимская и Оренбургская. Окончательно же они определились в 1862 – 1865 годах. Однако, исторические факты свидетельствуют о том, что православные поселения в пределах Башкирского края существовали уже в VIII–X веках. Историки полагают, что христианская вера могла проникнуть сюда через проповедников из Византии и других стран Востока, торговых людей, мигрирующих из одной страны в другую для установления обменных отношений материальными и духовными ценностями. Не исключается проникновение ее и через Хазарию, где в те века было тоже немало христиан. Возможно, что христианство проникло в Башкирский край еще до образования Уфимской епархии, даже до того, как этот край стал относиться к Российскому государству, из Великого Новгорода, так как он еще до XII века завладел обширным землями между Ладогой, морями Белой и Красной и рекой Уфой, даже далее. Следы колоний православных христиан наблюдаются по Каме и Белой в районе Мензелинска, Набережных Челнов, Николо-Березовска, Уфы.

Однако об утверждении российской государственности и христианства в православной версии в Башкирском крае в тот период нельзя вести речь, потому что, как уже отмечалось, еще не было России. Территорию населяли представители разных этносов (угро-финны, тюрки, иранцы, славяне и др.), которые вели в основном оседло-кочевой и кочевой образ жизни, сопряженный с опасностями природного и социального характера.

По настоящему российская государ-

ственность, немыслимая вне православия («Москва – третий Рим, а четвертому не бывать»), стала утверждаться в Башкирском крае с XVI века с началом активной миграции в край русского православного населения, строительством крепостей, деревень, сел и вместе с этим церквей, монастырей, часовен.

Считается, что первым памятником христианства в Башкирском крае, точнее в Уфе, стала деревянная Троицкая церковь, построенная стрельцами «об один день» в святую Троицу в 1574 году – в день основания Уфы. Вторая церковь во имя Казанской Божией Матери построена в 1579 году на земле около самого города «от места, глаголаемого Усолья до реки Уфы и городища» [3, с. 22; 4].

К первым принято относить следующие монастыри: мужские – Сергиевский (1570–1580 гг.) и Успенский (1598 г.), женский – Христово-Рождественский (1619 г.). Все они находились в Уфе.

Динамика развития христианских культовых сооружений в Уфимской епархии характеризуется следующими данными.

Таблица

Год	**Церкви**	**Монастыри**
1897	366	
1912	526	13 (5 мужских, 8 женских)
1919	700	16
1939	Только одна – Сергиевская церковь	
1956	42	
1965	17	
1990	30	
2005	200	6 (3 мужских, 3 женских)
2025	-	-

Как видно из приведенной таблицы, количество культовых учреждений (церквей, монастырей) в Уфимской епархии дореволюционной России было значительно. Оно было велико даже в период Гражданской войны, в частности, в 1919 году. Однако воинствующий атеизм Советской власти привел к тому, что в 1939 году действовала только одна церковь – Сергиевская в Уфе. Восстановление культовых учреждений Уфимской епархии началось в период так называемой «хрущевской оттепели», но в 60-е годы прошлого века этот процесс был прерван. Если в 1956 году в Уфимской епархии было 42 церкви, то в 1967 году их было только 17. В период горбачевской перестройки отношение к религии изменилось в сторону либерализации. Восстановление культовых учреждений в Уфимской епархии в это время получило большой размах, и этот процесс продолжается. Однако количество этих учреждений не столь велико, и религиозное влияние их не распространяется на все население Башкирского края, чтобы в нем современная российская государственность сохраняла прочные позиции, опираясь только на православие.

Достаточно объективную картину о составе населения Уфимской епархии в религиозном отношении можно составить по данным Первой Всероссийской переписи, проводившейся в 1897 году. Из этих данных следует, что из 2 220 500 человек, населявших Уфимскую епархию, христиан было около 930 700 человек, в том числе православных – до 900 000, в том числе до 5 000 единоверцев, раскольников – 28 437, католиков – 1 452, протестантов (преимущественно лютеране) – 797. Эта перепись учитывала и представителей, исповедующих иные религии. Оказалось, что в Уфимской епархии пребывали 1 181 937 мусульман – суннитов, 737 иудеев, 107 583 язычников (преимущественно фетишистов).

Первая Всероссийская перепись показа-

ла, что православие исповедуют не только русские, а еще и представители других этносов, которых было принять обозначать инородцами, а именно: чуваши – 59 176, татары – 38 874, мордва – 36 280, марийцы – 6 425, башкиры – 985, удмурты (вотяки) – 2 152, мещеряки (мишари) – 372. Раскольниками являлись преимущественно русские. Католицизм исповедовали находившиеся на территории Уфимской епархии поляки, французы, немцы и частью латыши. Последователями ислама являлись татары, башкиры, мещеряки (мишари), тептяри, удмурты (вотяки) и отчасти чуваши. Иудаизму были привержены исключительно одни евреи. Часть мещеряков (мишарей), тептярей, удмуртов (вотяков), чувашей оставалась язычниками.

Христианство в Башкирском крае играло положительную роль в том отношении, что приобщало местное население, особенно языческое, к грамоте (чтению, письму), личной гигиене, домострою, культуре, выходящей за пределы местных обычаев, и т.д. Но человеческий фактор, включенный в реализацию ее канонов, мог «сыграть и злую шутку».

В российской истории известны четыре крупных выступления народных масс (Ивана Болотникова (1606–1607гг.), Степана Разина (1670–1671гг.), Кондратия Булавина (1707–1709гг.), Емельяна Пугачева (1773 – 1775гг.)), которые принято оценивать как крестьянские войны за освобождение от угнетения. Однако использование понятия «крестьянские войны» применительно к этим антигосударственным выступлениям представляется неточным, поскольку с точки зрения государственного права все они представляют собой преступные движения, и главной ударной силой мятежников всегда были не крестьяне, а воинственные, но в массе своей юридически невежественные казаки. Кроме того, восстание Болотникова было частью Смутного времени, а сам он выступал как «воевода царя Дмитрия», то есть самозванца Лжедмитрия II (? – 1610 гг.) – «тушинского вора». Восстания Разина было направлено против «злых бояр». Булавин и его сторонники, восстав против «злого» царя, ратовали за «старую веру». Пугачев же – самозванец, выдававший себя за российского императора Петра III Федоровича (1728–1762гг.). И в его ополчении большинство составляли казаки, к которым примкнули горнозаводские рабочие, а также башкиры, татары, мещеряки и другие инородцы. Ареал активности Пугачева как борца за «народное дело» в значительной степени охватывал Башкирский край, и его деятельность здесь сказалось самым разрушительным образом на развитии экономики и инфраструктуры края, демографической ситуации, нравственности. Изучая материалы следствия, некоторые авторы приходят к заключению, что вдохновителями Емельяна Пугачева на бунт являлись христиане-старообрядцы.

Так, Дмитрий Митюрин пишет: «Именно старообрядцы преобладали среди помогавших Емельяну Пугачеву добрых людей, словно ведя по цепочке. В самом начале маршрута, на Дону, его выручил старообрядец Каверин, а также отец и сын Осип и Антон Коровки. На Брянщине старец Василий объяснил, как можно легализоваться в качестве старообрядца-репатрианта. В Ветке научили, как выправить паспорт на Добрянском форпосте. И наконец, старец Филарет, обучивший его, так сказать, политической грамоте» [5, с. 22].

Если рассматривать эту версию как правдоподобную, то из нее следует, что христианство неоднородное. И некоторые направления его, образуя идейную составляющую антигосударственных движений, как в случае с восстанием Емельяна Пугачева, сильно отклоняясь от истинных христианских канонов, могут представлять опасность для российской государственности.

В первую половину XVIII века практиковалось использование крутых мер в отношении тех, кто, перейдя из одной веры (иудаизма, ислама) в другую (православие), вдруг возвращался в лоно прежней веры. Имели место даже случаи сжигания таких лиц.

Так, 20 апреля 1738 года в Екатеринбурге по приговору Татищева «за то, что, крестясь, принял паки махометанский закон – на страх другим, при собрании всех крещенных татар» был сожжен Тойгильды Жуляков – один из старшин Сибирской даруги, а в 1739 году учинена смертная казнь в виде сожжения в отношении Кися-

кбики Байрясовой «... за три побега и что она, будучи в бегах, крещенная обасурманилась» [6, с. 61]. Власти, прибегая к таким исключительной жестокости мерам, стремились упрочить российскую государственность на местах, опираясь на христианство. В какой-то мере они достигали этой цели. В то же время этим они способствовали озлоблению отдельных членов общества, дальнейшему углублению раскола его по религиозному признаку, не совсем считаясь с тем, что общество итак было неоднородным, расколотым по различным признакам: имущественным, социальным, этническим и др.

Список литературы

1. Ахмедов А. Ислам в современной идейно-политической борьбе. М. : Политиздат, 1985. 240 с.
2. Самигуллин В.К. Восток: мозаика правовых традиций. М. : Монография, 2021. 177 с.
3. Уфимская епархия Русской православной церкви : справ.-путеводитель / авт.-сост. П.В. Егоров, Л.Г. Рудин. М. : Уфим. епархия РПЦ : О-во сохранения лит. наследия, 2006. С. 225.
4. Митрюки. Тайны русского бунта // Загадки истории. 2024. № 44. С. 22–28.
5. Акманов И.Г. Башкиры в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. 151 с.
6. Самигуллин В.К. О чистейшем человеке // Правовые новеллы / Самигуллин В.К.. Уфа, 2021. 168 с.

References

1. Ahmedov A. Islam v sovremennoj idejno-politicheskoj bor'be. M. : Politizdat, 1985. 240 s.
2. Samigullin V.K. Vostok: mozaika pravovyh tradicij. M. : Monografiya, 2021. 177 s.
3. Ufimskaya eparhiya Russkoj pravoslavnoj cerkvi : sprav.-putevoditel' / avt.-sost. P.V. Egorov, L.G. Rudin. M. : Ufim. eparhiya RPC : O-vo sohraneniya lit. naslediya, 2006. S. 225.
4. Mitryukin D. Tajny russkogo bunta // Zagadki istorii. 2024. № 44. S. 22–28.
5. Akmanov I.G. Bashkiry v sostave Rossijskogo gosudarstva v XVII – pervoj polovine XVIII v. Sverdlovsk, 1991. 151 s.
6. Samigullin V.K. O chistejshem cheloveke // Pravovye novelly. / Samigullin V.K. Ufa, 2021. 168 s.

Информация об авторе (авторах): Нурисламов Алексей Салихзянович, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Nurislamov Alexey Salikhzyanovich, teacher of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 14.01.2025; approved after 02.02.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 342.72.73
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.003

О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина

М.С. Шайхуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
selir07@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся аргументы о сохраняющемся значении конституционно-правовых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в многоаспектной палитре юридической науки и правоприменительной практики. Отстаивается позиция о том, что в общем механизме защиты прав и свобод человека и гражданина юридические гарантии будут оставаться актуальными как в плане проведения правовых исследований, так и в части сложного процесса правоприменения, поскольку конституционно-правовые гарантии, выполняя стабилизующую роль, позволяют приводить в работоспособное состояние нормативные положения текущего законодательства. Конституционно-правовые гарантии рассматриваются с позиции их институционально-юридической природы, а также в аспекте реализации информационной, обеспечительной функций права. По мнению автора, значение конституционно-правовых гарантий в деле защиты прав и свобод человека и гражданина проявляется в специально-юридическом, а также праксиологическом подходах, влияющих на развитие условий стабильного функционирования институтов права и субъектов общественных отношений.

Ключевые слова: значение гарантий, конституционно-правовые гарантии, защита прав, гарантии соблюдения законов, правовая природа гарантий.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. О значимости конституционно-правовых гарантий в защите прав и свобод человека и гражданина // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 22–27.

Original article

On the importance of constitutional and legal guarantees in protection human and civil rights and freedoms

M.S. Shaikhullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
selir07@mail.ru

Abstract. The article provides arguments about the continuing importance of constitutional and legal guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms in a multidimensional palette of legal science and law enforcement practice. The position is defended that in the general mechanism for the protection of human and civil rights and freedoms, legal guarantees will remain relevant both in terms of conducting legal research and in terms of the complex process of law enforcement, since constitutional and legal guarantees, fulfilling a stabilizing role, make it possible to bring the normative provisions of current legislation into working order. Constitutional and legal guarantees are considered from the standpoint of their institutional and legal nature, as well as in the aspect of the implementation of the information and security function of law. According to the author, the importance of constitutional and legal guarantees in the protection of human and civil rights and freedoms is manifested in special legal, as well as praxiological aspects in order to maximize the conditions for the development of democracy in our country.

Keywords: the meaning of guarantees, constitutional guarantees, protection of rights, guarantees of compliance with laws, the legal nature of guarantees.

For citation: Shaikhullin M.S. On the importance of constitutional and legal guarantees in protection human and civil rights and freedoms // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 22–27.

© Шайхуллин М.С., 2025.

В юридической литературе вопросы значения конституционных и иных смежных с ними гарантий активно обсуждались в аспекте защиты прав и свобод человека и гражданина. В разное время конституционным гарантиям в таком аспекте предавалась особая роль в общем механизме восстановления нарушенных прав и охраняемых законом интересов, поскольку по степени соблюдения прав и свобод человека и гражданина можно судить о развитости государства в правовом и демократическом отношениях. Представляется, что вопросы о роли и значении конституционно-правовых гарантий в аспекте защиты прав и свобод человека и гражданина никогда не потеряют своего значения. В общем механизме защиты прав и свобод человека и гражданина юридические гарантии будут оставаться актуальными как в плане проведения правовых исследований, так и в части сложного процесса правоприменения, поскольку конституционно-правовые гарантии выполняя стабилизующую роль, позволяют приводить в работоспособное состояние нормативные положения текущего законодательства.

Касательно категории «гарантия» в юридической науке существуют различные точки зрения. Такие различия не идут в пользу формирования общего определения понятия «конституционная гарантия». По мнению ученых, гарантии представляют собой совокупность правовых средств, мер, способов и условий, которые позволяют субъектам общественных отношений беспрепятственно реализовывать, охранять [1, с. 148] от незаконных посягательств [2, с. 167], защищать и отстаивать свои права и интересы [3, с. 18], приобретать и реализовывать свои права и свободы [4, с. 321]. Можно ли считать такую множественную совокупность перечисленных элементов основными или факультативными признаками конституционных гарантий или вообще гарантии, как категории правоведения? Сущность гарантии, как категории конституционного права заключается в том, что государство посредством принятия базовых положений и при этом создания соответствующих органов государственной власти обеспечивает такой уровень соблюдения конституционного законодательства, при котором максимальным образом решаются вопросы государственного и муниципального значений, проблемные вопросы «простых людей». Для решения различных, порой достаточно сложных вопросов государство в лице соответствующих органов и должностных лиц привлекает весь арсенал правовых средств, юридических инструментов, позволяющих преодолевать проблемы, возникающие в жизни людей, если разрешение таких проблем связано с нарушением прав, свобод и охраняемых законом интересов субъектов общественных отношений. В этом смысле конституционные гарантии позволяют активизировать общие и специальные нормы права. Такая активизация обусловлена необходимостью защиты прав и свобод человека и гражданина от противоправных посягательств, поскольку конституционные и иные правовые гарантии, если их рассматривать в институциональном и субъектном отношениях, позволяют восстанавливать нарушенные права и интересы в случае их нарушения. Гарантии выступают в качестве правовых условий, создающих необходимую базу для формирования юридических инструментов, совершенствования правомочий субъектов власти, призванных обеспечивать охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Следует согласиться с А.В. Безруковым, что гарантии представляют собой процесс претворения и реализации в жизнь конституционных прав и свобод [5, с. 74]. Действительно, если возникают факты несоблюдения положений действующего законодательства или нарушения прав и свобод человека и гражданина, то конституционно-правовые гарантии позволяют приводить в соответствие с принципом законности действия, решения управомоченных субъектов или органов власти, допустивших такие нарушения. Ученые справедливо отмечают, что гарантии основных прав и свобод формируются в рамках функционирования всех элементов системы публичной власти [6, с. 584]. Это означает, что такие правоохранительные органы, как прокуратура, следственные органы, в институциональном отношении выступают в качестве субъектов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод

человека и гражданина. То есть эти органы власти посредством осуществления своих правомочий гарантируют восстановление прав в случаях их нарушений.

Так, правоохранительные органы начали проводить проверку по факту отказа в оформлении инвалидности ветерану Великой Отечественной войны, которой уже исполнилось 96 лет[1]. В случае невозможности прохождения диагностики посредством КТ и МРТ в стационарных условиях, гражданам, особенно такой категории, должны быть предоставлены мобильные комплексы для проведения медицинских рентгенологических исследований, которые уже выпускаются в нашей стране. Отсутствие мобильных медицинских комплексов не должно влиять на соблюдение положений ст. 41 и ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации, имеющих юридические признаки гарантирующего свойства. По мнению ученых, исключительно важное значение для обеспечения прав ветеранов Великой Отечественной войны имеет ст. 7 Конституции Российской Федерации, устанавливающая социальный характер государства и цель его социальной политики – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [7, с. 78]. А на наш взгляд, в аспекте защиты прав и интересов ветеранов Великой Отечественной войны имеет важное значение положение ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, согласно которой «умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»[2]. Представляется, что в отношении ветеранов Великой Отечественной войны органами власти, должностными лицами должны быть предприняты все необходимые меры для реализации прав и интересов ветеранов с тем, чтобы не допустить нарушения конституционных положений. В противном случае, если права и интересы, особенно ветеранов Великой Отечественной войны, нарушаются, то можно говорить о том, что те субъекты, которые допустили такие нарушения, умаляют значение подвигов защитников Отечества. Когда в связи с нарушениями прав и свобод человека и гражданина требуется вмешательство правоохранительных органов, особенно при защите социально уязвимой части населения, то конституционно-правовые гарантии следует рассматривать с позиции их институционально-юридической природы. Это значит, что, с одной стороны, уполномоченные на защиту прав и свобод человека и гражданина органы власти выступают в качестве гарантов соблюдения норм законодательства, а с другой стороны, имеют в своем арсенале действенные правовые инструменты реагирования на нарушения прав и свобод граждан.

Так, в Челябинске территориальный фонд пенсионного страхования отказал 91-летнему ветерану в ежегодной выплате ко дню Победы в Великой Отечественной войне, поскольку, по мнению должностных лиц пенсионного фонда, ветеран участвовал в боях с националистическим подпольем уже после 1945 г.

Такая позиция должностных лиц вступает в противоречие с п. «е» ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5 – ФЗ «О ветеранах» согласно которой к ветеранам Великой Отечественной войны относятся лица, принимавшие участие в боевых операциях по ликвидации националистического подполья на территориях Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии в период с 1 января 1944 г. по 31 декабря 1951 г.[3]. Опять же, следует говорить как о фактах «умаления значения подвигов защитников Отечества», о действиях должностных лиц, нарушающих положения ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации.

Для того чтобы конституционно-правовые гарантии достигали своих изначальных целей, требуется не столько действенное реагирование органов прокуратуры и соответственно принятие судебного решения по вопросу о соблюдении прав человека, поскольку в приведенном примере нет

[1] В ХМАО ветерану ВОВ отказали в оформлении инвалидности // Сетевое издание «Muksun.fm». 2024. 22 авг.

[2] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

[3] О ветеранах : федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3. Ст. 168.

предмета спора, ибо положения законодательства весьма отчетливо закрепляют статус ветеранов, сколько «ручательство» организаций, ответственных за предоставление социальных гарантий в том, что подобные действия не произойдут в будущем.

Это означает, что если лицо, ответственное за рассмотрение обращений, неквалифицированно исполняет свои должностные полномочия, относится к ним ненадлежащим образом, делает это в силу недостаточной юридической квалификации, а именно такая квалификация нужна для оценки событий и действий при исследовании документов, положенных в основу обращения, то оно может быть привлечено к ответственности в рамках служебного права.

В этом смысле прокуратура постоянно ведет публичную работу по информированию населения и иных субъектов общественных отношений, выполняя в аспекте реализации процесса гарантирования конституционных прав и свобод человека и гражданина важную государственную функцию по соблюдению принципа законности в деятельности органов власти, государственных и муниципальных учреждений с тем, чтобы не допустить нарушений и злоупотреблений в деятельности должностных лиц. Следовательно, с позиции институционально-юридической природы гарантий, они выполняют информационно-обеспечительную функцию права, которая заключается в решении вопроса о правовом информировании населения и органов власти и соответственно принятии мер по недопущению нарушений прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. К тому же, по мнению профессора В.Е. Чиркина, важнейшей юридической гарантией является существование правового государства [8, с. 125]. Вместе с тем, как видно из вышеприведенных примеров, в процессе развития правового государства мы все еще сталкиваемся с нарушениями прав и законных интересов такой категории граждан, как ветераны Великой Отечественной войны, хотя, казалось бы, в наше время таких нарушений не должно быть.

Значение конституционно-правовых гарантий в деле защиты прав и свобод человека и гражданина проявляется в том, что в специально-юридическом, а также праксиологическом аспектах такие гарантии обеспечивают условия для развития демократии в нашей стране. При этом буквальное понимание демократических форм волеизъявления приводит к жалобам граждан на действия органов власти, организующих и осуществляющих прямые и консультативные формы демократии на местном уровне. Так, с жалобой в высший орган конституционной юстиции обратились граждане в связи с тем, что ст. 5.1, 45 и 46 Градостроительного кодекса Российской Федерации противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку в силу рекомендательного характера результатов публичных слушаний по проекту планировки территории допускают принятие проекта, предусматривающего изъятие земельных участков, без учета мнения собственников таких земельных участков[1]. В связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что публичные слушания по смыслу ст. 3 Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, которым регулируется их проведение, не являются формой осуществления власти населением[2]. Само собой, учет мнения населения в процессе осуществления публичных слушаний является демократической основной для реализации данной формы непосредственного волеизъявления. Однако полагаться на то, что именно население посредством таких форм осуществляет свою власть в контексте базовых положений ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации будет весьма опрометчиво, поскольку органы местной власти для того и создаются, чтобы в организованном режиме приводить в жизнь положения нормативных актов, которые были приняты

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Долбаковой Валентины Сергеевны, Корниловой Елены Валентиновны и Чураковой Нины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьями 51, 45 и 46 Градостроительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2023 г. №300-О. Документ опубликован не был.

[2] КС не принял жалобу на невозможность повлиять через публичные слушания на градостроительные решения // Адвокатская газета. 2023. 27 нояб.

в порядке правотворческой деятельности. Между тем установление границ населенных пунктов без учета интересов собственников земельных участков, особенно тех, которые как бы являются «пограничными» по отношению к установленным границам поселения, может нарушать права и свободы граждан на пользование земельными участками. Так, Ленинградский областной суд принял решение о признании генерального плана недействующим целиком, поскольку в процессе его утверждения были нарушены права и законные интересы правообладателей земельных участков в связи с нарушением порядка и условий проведения публичных слушаний[1]. В части 2 ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации закрепляется задача суда – защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан[2]. А это в системе действующего правового регулирования общественных отношений, связанных с поддержанием высокого уровня демократического развития страны, означает необходимость принятия судами таких решений, которые имеют смысл защиты прав и свобод человека и гражданина. Причем синхронизированность действий надзорных органов и судов при соблюдении принципа разделения властей обеспечивает законность и оперативность принятия решений по фактам нарушения прав и свобод граждан.

Значение конституционно-правовых гарантий заключается в том, чтобы обеспечить эффективное функционирование и взаимодействие всех звеньев системы публичной власти, призванных в случае необходимости защитить права и свободы граждан от решений и действий, несоответствующих нормам национального законодательства. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина объясняет фактор значимости конституционных и иных гарантий, необходимых для соблюдения принципов правового государства. Между тем действенность конституционно-правовых гарантий зависит от того, какие материальные и финансовые условия были созданы для эффективного функционирования органов власти, призванных обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина. От этого во многом зависит «эффект действенности» реализации, охраны, защиты прав, свобод и законных интересов субъектов общественных отношений, степень доверия к функциональности конституционных и иных гарантий в национальной правовой системе.

Список литературы

1. Бендюрина С.В., Гончаров М.В., Евстифеев Д.М. Конституционное право России : учебник для бакалавров / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.С. Саликов. М., 2014. 528 с.
2. Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С. Конституционное право России : учебник. М., 2013. 435 с.
3. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право. 2002. № 10. С. 17–25.
4. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 428 с.
5. Безруков А.В. Конституционное право России : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 304 с.
6. Конституционное право : учебник для бакалавров / отв. ред. В.И. Фадеев. М. : Проспект, 2015. 584 с.
7. Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты : монография / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М. : Изд-во «Экон-Информ», 2020. 450 с.
8. Чиркин В.Е. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. М., 2011. 397 с.

References

1. Bendyurina S.V., Goncharov M.V., Evstifeev D.M. Konstitucionnoe pravo Rossii : uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. A.N. Kokotov, M.S. Salikov. M., 2014. 528 s.
2. Narutto S.V., Taeva N.E., Shugrina E.S. Konstitucionnoe pravo Rossii : uchebnik. M., 2013. 435 s.
3. Kalashnikov S.V. Sistema konstitucionnyh garantij obespecheniya prav i svobod grazhdan v usloviyah

[1] Архив Ленинградского областного суда по делу № 3а-117/2021.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

formirovaniya v Rossii grazhdanskogo obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 10. S. 17–25.
4. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / otv. red. V.D. Perevalov. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2013. 428 s.
5. Bezrukov A.V. Konstitucionnoe pravo Rossii : ucheb. posobie. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2015. 304 s.
6. Konstitucionnoe pravo : uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. V.I. Fadeev. M.: Prospekt, 2015. 584 s.
7. Popova S.M., Shahraj S.M., Yanik A.A. Velikaya Pobeda sovetskogo naroda: social'no-politicheskie i demograficheskie aspekty : monografiya / S.V. Ryazancev, V.N. Ivanov [i dr.]; otv. red. S.V. Ryazancev, V.N. Ivanov; ISPI FNISC RAN. M. : Izd-vo «Ekon-Inform», 2020. 450 s.
8. Chirkin V.E. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo : ucheb. posobie dlya magistrantov i aspirantov. M., 2011. 397 s.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент, адвокат.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 09.01.2025; approved after 31.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 342.572
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.004

Учет исторических и иных местных традиций в правовом регулировании местного самоуправления

З.А. Булатова
Казань, Российская Федерация
zulfiya-bulatova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы учета исторических и иных местных традиций в системе правового регулирования местного самоуправления. Актуальность темы исследования заключается в том, что с теоретической позиции следует определиться с вопросом о том, какое значение традиции и иные социальные нормы имеют для улучшения социального регулирования местного самоуправления или для его развития. По мнению автора, в практике деятельности органов местного самоуправления, особенно на уровне муниципальных образований городских типов, регулирующее значение традиций занижено. Во многом это обусловлено значением роли закона в регулировании общественных отношений, когда нормы права регулируют практически все их области. Было выявлено значение традиций местного самоуправления для развития муниципальной власти в России. Автор считает, что в настоящее время актуально подвергать исследованию муниципальные традиции в конкретной местности на предмет их учета в соответствии с базовыми конституционными положениями и нормами, регулирующими деятельность органов местного самоуправления.

Ключевые слова: учет традиций, обычаи, местное самоуправление, правовое регулирование, конституционные гарантии, культура.

Для цитирования: Булатова З.А. Учет исторических и иных местных традиций в правовом регулировании местного самоуправления // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 28–32.

Original article

Taking into account historical and other local traditions in the legal regulation of local self-government

Z.A. Bulatova
Kazan, Russian Federation
zulfiya-bulatova@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of accounting for historical and other local traditions in the system of legal regulation of local self-government. The relevance of the topic of research lies in the fact that from a theoretical point of view it is necessary to decide on the importance of traditions and other social norms for the legal regulation of local self-government or for its development. According to the author, in the practice of local self-government, especially at the level of municipalities of urban types, the regulatory significance of traditions is underestimated. This is largely due to the importance of the role of law in regulating public relations, when the rule of law regulates almost all areas of public relations. According to the author, as a result of an analysis of the legal norms governing local self-government, it is relevant to examine local (municipal) traditions in a particular area for their accounting in accordance with the basic constitutional provisions and norms governing the activities of local self-government bodies.

Keywords: taking into account traditions, customs, local self-government, legal regulation, constitutional guarantees, culture.

For citation: Bulatova Z.A. Taking into account historical and other local traditions in the legal regulation of local self-government // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 28–32.

В соответствии с частью 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации[1] территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

© Булатова З.А., 2025.

традиций. Прежде всего следует определиться, какое значение традиции и иные социальные нормы имеют для правового регулирования местного самоуправления или для его развития. Необходимо отметить, что в практике деятельности местных органов власти регулирующее значение традиций занижено. Во многом это обусловлено значением роли закона в регулировании общественных отношений, когда нормы права регулируют практически все их области. Следует констатировать, что до сих пор объединить разное по своим убеждениям население с помощью норм муниципального права не представлялось возможным. В связи с этим видится необходимым предоставить гражданам информацию об исторических традициях, действовавших на разных этапах развития нашего государства, с целью формированная социальных ценностей на той или иной территории для того, чтобы внести ясность в вопросы их использования на местном уровне.

Конкретную сторону традиции как социально-правовому феномену придает именно местное самоуправление, поскольку последнее развивается под воздействием совокупности многообразных социальных норм, где взаимосвязанность социальных регуляторов и правовых предписаний обусловлена разностью подходов к формам осуществления местного самоуправления. Культурная традиция местных сообществ передает из поколения в поколение набор исторически сложившихся правил, тем самым отражает сформировавшуюся культурную сторону на протяжении длительного исторического развития народов России. Подобное определение можно отнести к исторической традиции местного сообщества. А вот местные традиции передают не только набор культурных ценностей, но и правовых, поскольку именно в результате их действия в синтезе с нормативно-правовым регулированием происходит процесс отправления власти на местном уровне. Что касается местных обычаев, то в основном они не санкционируются правовыми актами представительных органов. Вместе с тем должностные лица местных органов могут принимать участие в мероприятиях, исходящих из местного обычая. По некоторым местным обычаям право открытия обрядового акта принадлежит старейшинам, которые, собственно, и находятся во взаимодействии с органами местного самоуправления.

Сходность или различие правового и местного обычая с традициями в юридической науке, как представляется, еще только предстоит выявить, поскольку в результате анализа правовых норм, регулирующих местное самоуправление, подвергать исследованию местные (муниципальные) традиции представляется возможным лишь с той позиции, когда будут шансы изучить всю совокупность общественных и правовых отношений на местном, муниципальном уровнях. Однако всех традиций знать невозможно, особенно в таком государстве, как Россия, поэтому, в отличие от обычаев, которые имеют локальный характер, традиции в большей степени воспринимаются на предмет научно-теоретического анализа, а правовые обычаи могут санкционироваться на местном уровне.

Немало обычаев носят религиозный или полурелигиозный характер (например, соблюдение поста, рамадана). Подобные социальные отношения и нормы соблюдаются верующей частью мусульманского мира, поскольку, как отмечают ученые, это древнейшая форма социальной регуляции [1, с. 102]. При условии, что санкционированные властными органами обычаи соблюдаются большинством граждан, они могут приобретать смысл правового обычая местного самоуправления, так как их локальность ставится на один уровень с правовым признанием, массовым участием жителей, исторической обусловленностью, организационно-техническими и материальными условиями для обеспечения проведения мероприятий, составляющих существо правового обычая местного уровня. Таким образом, правовой обычай отличается от общегражданского обычая кругом участников по выполнению правил исторического образца, а также непосредственным участием в обрядовых действиях населения. Но если круг субъектов соблюдения исторических правил невелик по отношению к количеству жителей, проживающих в конкретном населенном пункте, то правовой обычай рискует превратиться в этнический обычай, соблюдаемый только отвлеченной частью населения. С этой позиции традиция – бо-

лее уместная форма регуляции общественных отношений в многоконфессиональном обществе.

В процессе реализации обычаев, следуя местным традициям, должностные лица властных органов способствуют легитимации собственно обычаев, создавая правовые условия для осуществления лучших традиций местного самоуправления. Вместе с тем правовые обычаи коррелируются с муниципальными традициями, их взаимосвязь подкрепляется не только санкционированностью, но и тем, что муниципальные традиции – это правила поведения, устанавливаемые властными органами, а не гражданами. Здесь есть место и обычаям делового оборота, которые соотносятся с традициями органов местного самоуправления (муниципальными традициями). В этом случае традиции как бы соединяют гражданско-правовые обычаи и деятельность органов местного самоуправления, поскольку, с одной стороны, органы местного самоуправления выступают как публично-правовые образования, с другой стороны, они являются юридическими лицами и в системе муниципально-правовых отношений выступают участниками гражданско-правовых отношений, где собственно и могут иметь проявления обычаи делового оборота.

Исторические и иные местные традиции не могут являться разновидностью обычая. Другое дело, когда речь идет об обычном праве. В этом случае весь набор социальных норм, превращаясь в совокупность правил поведения, принятых в местных сообществах, олицетворяет обычное право каждого конкретно взятого народа. Как отмечает Д.А. Курбанова, с учетом исторического многообразия культур, самобытности и духовности дагестанских народов, их вековых традиций и обычаев важнейшим шагом в возрождении системы профилактики преступности могут стать институционализация превентивных обычаев, традиционных институтов социального контроля, мобилизация традиционных обществ. В связи с этим возникает необходимость принятия Закона «О примирительной комиссии в Республике Дагестан». Традиционная форма примирительного правосудия должна быть институализирована и реализована в практике разрешения конфликтов, что будет иметь огромный профилактический потенциал и в других регионах Российской Федерации [2, с. 8].

Было бы совсем неправильно связывать возникновение и развитие права лишь с государственностью. Данная логика объяснима в силу специфического действия традиций и обычаев на отдельных территориях. Так, применительно к отдельным коренным малочисленным народностям органами местного самоуправления применяется правило, по которому дата и время голосования определяется в зависимости от традиционных праздников, проводимых в поселении. Поэтому для таких народов традиция может рассматриваться как правовое явление. Органы государственной власти не в полной мере способны осуществлять власть на труднодоступных и удаленных территориях, поэтому органы местного самоуправления остаются связующим звеном между гражданами и государственной властью. В.К. Самигуллин отмечает, что невозможно формировать право только под воздействием воли государственных органов власти [3, с. 48], поэтому могут быть использованы социальные средства и традиционно-сложившиеся самоуправленческие формы управления, прочно связанные с властью на локальном уровне. В регионах Северного Кавказа, входящих в состав Российской Федерации, правовой обычай неофициально продолжает регулировать общественные отношения, целиком или частично находящиеся вне контроля государства [4, с. 3]. Ведь традиция не находится в застывшем состоянии, хотя и объята идейными подходами консервативного развития государства и права.

Анализ применения норм обычного права у разных народов показывает, что обычное право и сегодня сохраняет достаточно мощный потенциал, проявляющий себя часто наряду, а в некоторых случаях и в противовес, нормативным правовым актам государства [5, с. 250]. При этом, отмечает В.К. Самигуллин, связь права и традиции сложна и противоречива. Порой право утверждается, отрицая традицию. Но нередко и правовое начало достигает вышей точки регулирования общественных отношений, когда, опираясь на традицию, само становится ей. Культи-

вирование правовых традиций обеспечивает духовное воспроизводство человека. В результате многогранной, активной, созидательной деятельности по освоению действительности последующее поколение людей воспроизводит предшествующее, но путем не простого подражания, а творческого освоения его опыта. Приобщение к праву как к традиции и к правовым традициям – это постоянное обучение тому, как вести правовой образ жизни, при этом он не сводится к заучиванию текстов законов, а требует большего [3, с. 63].

Правовые обычаи имеют юридическую силу и обеспечиваются в случае их нарушения государственным принуждением. С этой позиции традиции не могут в полной мере соотноситься с обычаями, поскольку первые действуют на уровне общественной психологии, а вторые имеют конкретное формально-юридическое отражение в законодательстве, а когда социальные нормы закрепляются в нормативных правовых актах, это уже не социальные, а юридические нормы, обязательные к исполнению. Упорядочивать традиции и обряды не всегда целесообразно, так как есть опасность возникновения антагонистических тенденций. В свое время борьба с обычаями и традициями в мировой истории, тем более в России, привела к многочисленным человеческим жертвам, к чему право не должно идти. Так, Уголовный кодекс РСФСР от 1 января 1961 года содержал главу одиннадцатую «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» [6, с. 41]. Впрочем, исследователи муниципального права отмечают, что в разрешении юридических вопросов в отдельных мусульманских правовых школах принято опираться на традицию [7, с. 21], такое правопонимание показывает особенности мусульманско-правовой традиции. Однако будет не совсем правильным приводить пример только на основе норм мусульманского религиозно-традиционного права. Поэтому требуется комплексный анализ местных традиций в их соотношении с источниками религиозных правовых систем, к примеру, иудейского, христианского, канонического права. Как справедливо отмечает профессор М.Н. Марченко, взаимосвязь и взаимодействие национальных правовых систем с неизбежностью влечет за собой взаимовлияние их источников [8, с. 732].

В зарубежной науке существует три основных точки зрения по вопросу о том, какие юридические нормы нужно считать обычно-правовыми, а именно: механическая, спиритуалистическая (психологическая) и смешанная. А.К. Халифаева пишет, что источниками обычного права у народов Дагестана были: третейский суд; судебно-правовая практика феодальных правителей, акты ханов; договоры между селами и внутри сел; деятельность сельских джамаатов, решения сельских сходов [9, с. 117]. С этой позиции к традициям местного самоуправления необходимо относить деятельность сельских джамаатов и сельских сходов, а вот источниками обычного права будут являться соглашения между селами и внутри сел и решения, принятые на сельских сходах. В связи с этим представляется возможным сделать вывод, что местные традиции являются неотъемлемой частью обычного права той или иной народности, однако к источникам права традиции относить нельзя, поскольку это сфера действия правового обычая.

В этом смысле следует констатировать фактор малозначительности обычаев в процессе организации и деятельности органов местного самоуправления. Однако в правовой деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления много юридических обычаев. Что касается культурных традиций, то должностные лица, взаимодействующие с различными социальными группами, должны знать сущность социальных норм в общем механизме действия права с тем, чтобы создавать условия для сохранения общественных отношений в стабильном состоянии.

Список литературы

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2 е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. 252 с.
2. Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 218 с.

3. Самигуллин В.К. Традиция в правосфере: теоретико-правовое исследование. Уфа : Диалог, 2008. 319 с.
4. Михайленко Н.М. Правовой обычай в системе источников права: опыт комплексного исследования на примере правовой традиции народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 191 с.
5. Обычное право в России / под ред. Г.В. Мальцева, Д.Ю. Шапсугова. Ростов н/Д, 1999. 367 с.
6. Шайхуллин М.С. К вопросу о трансформации традиций местного самоуправления и правовых основах их нейтрализации в Советской России // История государства и права. 2013. № 5. С. 41–43.
7. Керимов Г.М. Шариат: закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб. : Издательство «ДИЛЯ», 2009. 512 с.
8. Марченко М.Н. Источники права : учебное пособие. М. : ТК Велби : Изд-во «Проспект», 2005. 760 с.
9. Халифаева А.К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: основные тенденции и изменения : дис. … д-ра юрид. наук. Махачкала, 2005. 375 с.

References

1. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. 2 e izd., pererab. i dop. M. : Yurist», 2001. 252 s.
2. Kurbanova D.A. Tradicii i obychai narodov Dagestana v sisteme mer preduprezhdeniya prestupnosti : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2011. 218 s.
3. Samigullin V.K. Tradiciya v pravosfere: teoretiko-pravovoe issledovanie. Ufa : Dialog, 2008. 319 s.
4. Mihajlenko N.M. Pravovoj obychaj v sisteme istochnikov prava: opyt kompleksnogo issledovaniya na primere pravovoj tradicii narodov Severnogo Kavkaza : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2009. 191 s.
5. Obychnoe pravo v Rossii / pod red. G.V. Mal'ceva, D.Yu. Shapsugova. Rostov n/D, 1999. 367 s.
6. Shajhullin M.S. K voprosu o transformacii tradicij mestnogo samoupravleniya i pravovyh osnovah ih nejtralizacii v Sovetskoj Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. 2013. № 5. S. 41–43.
7. Kerimov G.M. Shariat: zakon zhizni musul'man. Otvety Shariata na problemy sovremennosti. SPb. : Izdatel'stvo «DILYa», 2009. 512 s.
8. Marchenko M.N. Istochniki prava : uchebnoe posobie. M. : TK Velbi : Izd-vo «Prospekt», 2005. 760 s.
9. Halifaeva A.K. Gosudarstvennye i pravovye instituty v Dagestane v XIX veke: osnovnye tendencii i izmeneniya : dis. … d-ra yurid. nauk. Mahachkala, 2005. 375 s.

Информация об авторе (авторах): Булатова Зульфия Азатовна, кандидат юридических наук (450103, России, Казань, ул. Кремлевская, 18).

Information about the author(s): Bulatova Zulfiya Azatovna, Candidate of Law (450103, Russia, Kazan, Kremlin St., 18).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 14.01.2025; approved after 30.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 342.725.3
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.005

Конституционно-правовое регулирование языковых отношений

А.С. Каримов
Уфа, Российская Федерация
balkan100@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы конституционно-правового регулирования языковых отношений в Российской Федерации. Автор отмечает сохраняющиеся актуальность теоретических исследований в области правового регулирования языковых отношений, а также практическую значимость развития языковой сферы. Анализируются различные аспекты языкового многообразия с позиции реализации права на использование государственных языков в официальной сфере и в порядке социальной коммуникации. По мнению автора, использование государственного языка республики в образовательных организациях наряду с государственным языком Российской Федерации означает равноправное развитие историко-культурных аспектов и положительно влияет на стабилизацию общественных отношений в рамках развития России, как многонационального государства. Предлагаются варианты совершенствования языковых отношений в процессе преподавания и воспитания детей и молодежи.

Ключевые слова: государственные языки, языки народов Российской Федерации, правовой статус языков, сохранение языков, языки меньшинств.

Для цитирования: Каримов А.С. Конституционно-правовое регулирование языковых отношений // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 33–36.

Original article

Constitutional and legal regulation of language relations

A.S. Karimov
Ufa, Russian Federation
balkan100@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of constitutional and legal regulation of language relations in the Russian Federation. The author notes the continuing relevance of theoretical research in the field of legal regulation of language relations, as well as the practical significance of the development of the language sphere. Various aspects of linguistic diversity are analyzed from the perspective of the realization of the right to use state languages in the official sphere and in the order of social communication. According to the author, the use of the state language of the republic in educational organizations along with the state language of the Russian Federation means the equal development of historical and cultural aspects and has a positive effect on the stabilization of social relations within the framework of the development of Russia as a multinational state. Options are offered to improve language relations in the process of teaching and raising children and youth.

Keywords: state languages, languages of peoples of the Russian Federation, legal status of languages, preservation of languages, languages of minorities.

For citation: Karimov A.S. Constitutional and legal regulation of language relations // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 33–36.

В соответствии с частью 2 статьи 26 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества[1]. На конституционном уровне устанавливаются гарантии всем народам на сохранение родного языка, возможность свободно коммуницировать на родном языке. Во взаимосвязи с конституционными положениями нормы Закона

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

© Каримов А.С., 2025.

Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-I «О языках народов Российской Федерации»[1] гарантируют языковые права народов, проживающих в Российской Федерации. Это означает, что в России создаются условия для такого уровня конституционно-культурологического развития, который показывает высокую степень защиты базовых ценностей народов, проживающих в Российской Федерации. Согласно статье 68 Конституции Российской Федерации русский язык имеет статус государственного на всей территории Федерации. При этом пункт 2 статьи 68 Основного закона предусматривает право республик в составе Российской Федерации самостоятельно регулировать языковые отношения в части определения статуса местных языков, то есть провозглашать их на государственном и муниципальном уровнях публичного властвования.

С теоретических позиций и в аспекте правоприменительной практики сохраняется вопрос об определениях понятий «государственный язык» и «язык официального общения». Анализ правового регулирования исследуемой области общественных отношений показывает, что эти категории различаются. Так, в 1953 г. по заказу ЮНЕСКО были разработаны два определения: «государственный язык выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурных сферах и выступает в качестве символа данного государства, а также официальный язык, который представляет собой язык государственного управления, законодательства и судопроизводства» [1, с. 51]. Действительно, различая две эти разные по смыслу и содержанию категории, считаем необходимым отметить следующее. Использование государственного языка проявляется в различных сферах коммуникации, прежде всего социальной, поскольку использование языка, принятого в республике как государственного, означает сохранение культурологического пласта, на котором базировалась та или иная народность на протяжении исторического развития российской государственности. Использование государственного языка республики в образовательных организациях наряду с государственным языком Российской Федерации означает равноправное развитие историко-культурных аспектов и положительно влияет на стабилизацию общественных отношений в рамках развития России как многонационального государства.

Можно сказать, что государственный язык как язык автохтонного народа государства или республики символизирует и укрепляет отношения между народами, подчеркивает уникальность регуляции языковых отношений в таком государстве, как Российская Федерация. Между тем официальный язык используется в деловой сфере, в области государственного и муниципального управления, в судопроизводстве. На языке республики публикуются нормативные правовые акты, может осуществляться обучение и воспитание детей. Если дети будут владеть не одним, а несколькими языками, то это будет свидетельствовать об уровне их образованности, воспитанности и, как следствие, гарантиях сохранения культурной идентичности в будущем.

Часть вторая статьи 26 Конституции Российской Федерации закрепляет целый ряд прав, составляющих понятие языкового равноправия. Язык признается важнейшим элементом культуры, принадлежности человека к тому или иному народу, одной из основных форм проявления национального и личностного самосознания. Ущемление языкового равноправия недопустимо в демократическом государстве, имеющем многонациональный состав. В многонациональных государствах или странах, где существуют крупные иноязычные группы населения, на конституционном уровне, как правило, достаточно подробно регулируется статус национальных либо региональных языков. Так, в Финляндии национальными языками Республики признаются финский и шведский (п. 14). При этом граждане имеют право использовать родной язык в судах и административных органах, а также получать на нем официальные документы. Государство берет на себя обязательство на основании принципа равенства удовлетворять культурные и экономические потребности финскоязычного и шведскоязычного населения.

Законопроекты, внесенные в Парламент, равно как и ответы, предложения, иные

[1] О языках народов Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-I // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. 12 декабря. № 50. Ст. 1740.

официальные сообщения Парламента правительству, составляются на обоих языках (п. 22). При пересмотре границ административно-территориальных единиц особое внимание уделяется тому, чтобы по возможности они были моноязычными с минимальным количеством иноязычного населения (п. 50.3). При призыве на военную службу военнослужащего, если это возможно и если он не высказывает иных пожеланий, направляют в то подразделение, в котором рядовой состав говорит на его родном языке и где он может обучаться на своем языке (п. 75.3). В 1922 г. в Финляндии был принят Акт о языке. Он закрепил право финского гражданина, вне зависимости от того, какой из официальных языков является для него родным, пользоваться родным языком в контактах с администрацией и в суде. Как отмечает Е.А. Картушина, в соответствии с Законом о языках саами на территории Лапландии языки саами признаются официальными. К тому же в Законе о языке 2004 г. упоминается еще два языка — цыганский и язык глухих, которые, имеют ратифицированный статус миноритарных языков [2, с. 108].

Использование родного языка в иных учреждениях во многом зависит от того, где проживает данное лицо. С точки зрения языкового состава населения все муниципалитеты на территории страны подразделяются на одноязычные и двуязычные. Муниципалитет признается одноязычным, если языковое меньшинство составляет менее 8 % населения, либо 3 тыс. человек. Каждые десять лет правительство проводит пересмотр статуса муниципалитетов с учетом данных переписи населения. Однако двуязычный муниципалитет не может быть признан одноязычным до тех пор, пока языковое меньшинство не будет составлять менее 6 % населения. В двуязычных муниципалитетах граждане имеют право получать любые документы на родном языке, в одноязычном муниципалитете власти не обязаны издавать документы на другом языке. В настоящее время в стране существует 460 муниципалитетов, из них 24 – шведскоязычные, 21 – двуязычные с преобладанием финскоязычного населения, а 20 – с преобладанием шведскоязычного. Акт Финляндской Республики 1922 г. о требованиях к гражданским служащим в отношении знания языка подразделяет всех служащих на две группы: лица, для которых для поступления на должность требуется диплом университета, и лица, которым диплом университета для приема на работу не нужен. Для первой категории служащих обязательным условием их профессиональной квалификации является знание языка большинства населения административно-территориальной единицы. Они сдают экзамен на знание языка двум комиссиям – шведскоязычной и финскоязычной. Если административно-территориальная единица одноязычная, то служащие должны понимать язык меньшинства. Данное требование не распространяется на судей, которые во всех случаях обязаны владеть обоими языками. В соответствии с Актом 1973 г. о детских садах муниципалитеты должны обеспечивать детям возможность посещать детские сады, где говорят на их родном языке – шведском, финском, саамском. В Акте 1983 г. о школьной системе и Акте 1985 г. о единой школе предусматривается обязанность муниципалитетов создавать школы для языковых меньшинств при наличии установленного минимума учеников в классах (начальная школа – 13 человек, средняя школа – 40–90 человек). В местах постоянного проживания саамов возможно обучение на саамском языке.

В Итальянской Республике Палата депутатов Итальянского парламента одобрила законопроект о языковых меньшинствах (к этой категории населения относятся более 3 млн. граждан). Данная проблематика разрабатывалась национальным Парламентом в течение длительного времени. Были рассмотрены как предложения, связанные с комплексной охраной прав иноязычных граждан на территории Италии, так и проекты, посвященные гарантиям прав отдельных меньшинств. В законопроекте содержится перечень подлежащих охране языковых меньшинств, однако само понятие «языковое меньшинство» не расшифровывается. Представители иноязычного населения приобретают право изучать собственную культуру и традиции, родной язык в детских садах и начальных школах, если эта группа населения достигает 15 % жителей коммуны, для них готовятся специальные передачи на областном телевидении. Их язык может использоваться в коммунальных советах, при контактах ком-

муниципальных властей с местным населением. Однако юридическое значение имеют лишь акты коммунальных советов, составленные на итальянском языке. В соответствии с проектом становится возможным употребление наряду с официальной традиционной топонимики, а также использование языка меньшинства на дорожных знаках [3, с. 138].

В России осуществление права свободного выбора языка воспитания и обучения объективно требует совершенствования на предмет объема изучения в организациях системы образовательных учреждений, поскольку на государстве лежит обязанность сохранять и развивать языки народов, в частности создавать образовательные учреждения, детские сады, в которых обучение и воспитание ведется на государственном языке республики. Для этого обязанность государства по отношению к этническим меньшинствам по созданию таких образовательных и воспитательных учреждений необходимо закрепить в законодательстве. Право на свободное пользование родным языком очень важно для развития национального самосознания личности, сохранения самобытной культуры этнической общности, упрочения этнических связей. В то же время для расширения доступа личности к ценностям отечественной и мировой культуры, духовного обогащения существенное значение имеет овладение языками других народов, прежде всего русским языком, который является не только государственным языком Российской Федерации, но, прежде всего, добровольно принятым народами России средством межнационального общения.

В качестве предложений следует отметить, что сохранение и развитие языкового многообразия должно происходить за счет совершенствования объема знаний, необходимого для коммуникации молодежи в социальной сфере в субъектах Федерации – республиках. Важно обеспечить специалистов современными мультимедийными средствами обучения детей в школах, что позволит осуществлять качественный образовательный процесс. При этом в рамках проводимой языковой работы следует совершенствовать деятельность по изучению родных языков в аспекте концепции языкового многообразия и сохранения культурной идентичности народов, исторически проживающих в Российской Федерации.

Список литературы

1. Дьячков М.В. Народ и язык // Политика, культура, образование: Информ. бюл. Междунар. Союза рос. немцев / гл. ред. Г.Г. Вормсбехер. М., 1998. № 4. С. 38–41.
2. Картушина Е.А. Языковое планирование статуса миноритарных языков в условиях многоязычия (на примере Финляндии) // Политическая лингвистика. 2018. № 2. С. 106–114.
3. Васильева Т.А. Правовой статус этнических меньшинств в странах Западной Европы // Государство и право. 1992. № 8. С. 133–142.

References

1. D'yachkov M.V. Narod i yazyk // Politika, kul'tura, obrazovanie: Inform. byul. Mezhdunar. Soyuza ros. nemcev / gl. red. G.G. Vormsbekher.M., 1998. № 4. S. 38–41.
2. Kartushina E.A. Yazykovoe planirovanie statusa minoritarnyh yazykov v usloviyah mnogoyazychiya (na primere Finlyandii) // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 2. S. 106–114.
3. Vasil'eva T.A. Pravovoj status etnicheskih men'shinstv v stranah Zapadnoj Evropy // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 8. S. 133–142.

Информация об авторе (авторах): Каримов Азат Салаватович (450059, Россия, Уфа, ул. Р. Зорге, 20), кандидат юридических наук.

Information about the author(s): Karimov Azat Salavatovich (450059, Russia, Ufa, R. Sorge St., 20), Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 02.01.2025; approved after 28.02.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 349.2
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.006

Безопасность женского труда

Н.В. Галицкая
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
naykla@mail.ru

Аннотация. Автор статьи выявляет проблемы обеспечения безопасности женщин в сфере труда. В настоящее время в России нет законодательства, регулирующего количество женщин, которые должны быть на руководящих должностях. Работа женщин, классифицируемая как «женская работа», часто ошибочно считается более безопасной или легкой, чем она есть на самом деле. Во многих случаях это означает, что рабочие места, назначенные женщинам, не оцениваются должным образом, что подвергает женщин-работников серьезному риску. Большинство исследований оборудования для обеспечения безопасности проводится с использованием мужчин. Предлагается дополнить трудовое законодательство гарантиями того, что средства индивидуальной защиты (каски, ремни безопасности, жилеты) будут разработаны с учетом особенностей женского тела, обеспечить квоты для женщин в руководстве организаций, оценку состояния безопасности для всех рабочих мест, а не только опасных.

Ключевые слова: правовое регулирование, труд, безопасность, женский труд, гарантии, трудовое право, защита прав.

Для цитирования: Галицкая Н.В. Безопасность женского труда // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 37–42.

Original article

Safety of women's work

N.V. Galitskaya
Northwestern Institute of Management
Russian Academy of National Economy
and public service under the President of the Russian Federation
naykla@mail.ru

Abstract. The author of the article identifies the problems of ensuring the safety of women in the workplace. Currently, there is no legislation in Russia regulating the number of women who must be in leadership positions. Women's work, classified as «women's work,» is often mistakenly considered safer or easier than it actually is. In many cases, this means that jobs assigned to women are not being properly evaluated, putting female workers at serious risk. Most safety equipment studies are done using men. It is proposed to supplement labor legislation with guarantees that personal protective equipment (helmets, seat belts, vests) will be developed taking into account the characteristics of the female body, to provide quotas for women in the management of organizations, to assess the state of safety for all workplaces, not just dangerous ones.

Keywords: legal regulation, labor, safety, women's labor, guarantees, labor law, protection of rights

For citation: Galitskaya N.V. Safety of women's work // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 37–42.

Современное общество предъявляет к женщинам высокие требования, от них требуется выполнение множества ролей: профессиональных, социальных, семейных. Баланс между личной и трудовой жизнью является ключевым фактором, позволяющим современной женщине совмещать работу и семейные обязанности.

Всеобщая декларация прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия

© Галицкая Н.В., 2025.

труда и на защиту от безработицы. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд»[1]. В Конституции Российской Федерации также указывается, что «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы...»[2]. Статья 64 Трудового кодекса России запрещает дискриминацию в трудовых отношениях[3]. Таким образом, трудовые права женщин закреплены на международном и национальном уровне.

В реальности имеются сложности с реализацией права женщин на труд. П.А. Масякина отмечает улучшение отношений в сфере трудовых прав женщин, которое берет свое начало от интеграции гражданского общества и государства [1, с. 460]. Тем не менее издание Федеральной службы государственной статистики «Труд и занятость в России. 2023» говорит об обратном. В документе содержится информация, позволяющая сделать вывод, что гендерное неравенство продолжает сохраняться, безработных женщин гораздо больше, чем мужчин[4]. А.Е. Чингисбаева винит в создавшейся ситуации кризис, который поставил работников в сильную зависимость от работодателя, что позволяет грубо нарушать трудовое законодательство, не боясь при этом понести какую-либо ответственность [2, с. 165]. При приеме на работу работодатели не поясняют соискателям причины отказа. По мнению В.И. Хамзина и Ю.И. Хам, чаще всего отказывают работникам, ссылаясь на несоответствие «деловым качествам работника», но что стоит понимать под «деловыми качествами», законом не урегулировано, и используя данную конструкцию, работодатель не нарушает каких-либо норм [3, с. 680]. Мы связываем это с неурегулированностью норм трудового кодекса.

Статья 261 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливает, что «увольнение беременных женщин, а также женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, запрещено, за исключением случаев ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуального предпринимателя». Казалось бы, подобный подход защищает женщин, не позволяя уволить беременную даже за грубые дисциплинарные проступки. Однако в целом такая ситуация приводит к тому, что работодатель оказывается в невыгодном положении и избегает приема на работу беременных женщин и замужних женщин детородного возраста, не имеющих детей.

По данным международной организации труда, женщины составляют более 40 % мировой рабочей силы[5]. В России численность женщин трудоспособного возраста начинает преобладать над численностью мужчин приблизительно с 40-летнего возраста, что означает, что после 40 лет женщины постепенно становятся основной рабочей группой [4, с. 236]. Получается, что работодатели должны больше ориентироваться на работников женского пола и учитывать их потребности. Несмотря на это, охрана труда по-прежнему сосредоточена на безопасности мужчин на рабочем месте. Стандарты безопасности основаны на лабораторных тестах мужчин[6]. Приказ от 21 марта 2019 года № 77 «Об утверждении методических рекомендаций по проверке создания и обеспечения функционирования системы управления охраной труда» в основном фокусируется на создании и поддержании системы управления охраной труда на предприя-

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 31.12.2024).

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[3] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 5 янв.

[4] Труд и занятость в России. 2023 : стат. сб. / Росстат. М., 2023. Т. 78. 180 с.

[5] Providing safe and healthy workplaces for both women and men / Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@gender/documents/publication/wcms_105060.pdf (дата обращения 30.12.2024).

[6] Пять основных ограничений труда // Safeopedia. URL: https://www.safeopedia.com/2/1118/chemicals-materials/5-essential-exposure-limit-terms-to-know (дата обращения: 31.12.2024).

тиях[1]. В нем упомянуты общие принципы и требования, касающиеся охраны труда, однако особенности охраны труда женщин не рассмотрены. Стандарты безопасности не делятся по половой принадлежности работника.

Первой причиной гендерного разрыва в занятости по-прежнему является тот факт, что женщины с большей вероятностью будут ухаживать за детьми и пожилыми родственниками. Женщины с маленькими детьми имеют самые низкие показатели занятости, а гендерный разрыв остается большим. Например, в Европейском Союзе гендерная разница составляет в среднем около 17 %[2].

Для увеличения шансов на трудоустройство женщины вынуждены соглашаться на низкооплачиваемую работу. Причиной этой несправедливости стали традиции и гендерные роли российского общества. С помощью повсеместного внедрения цифровых технологий следует вести учет количества женщин и уровень их зарплат [5, с. 624].

Исследование, опубликованное в Американском журнале эпидемиологии, показало, что уровень травматизма у женщин-работников на производстве выше, чем у мужчин [6, с. 163]. Рассмотрим ключевые факторы, которые оказывают влияние на здоровье и безопасность женщин на рабочем месте. Женщины имеют ряд физических различий по сравнению с мужчинами, например, меньшая костная структура, более короткие, узкие руки и ноги, а также меньший размер головы. Размеры тела женщин затрудняют использование средств индивидуальной защиты, так как большая часть рабочей одежды по-прежнему предназначена для мужчин среднего телосложения. Таким образом, средства индивидуальной защиты мешают женщинам выполнять работу, будь то большие перчатки, каски, которые падают на глаза, или ремни безопасности, которые не предназначены для женских бедер или груди[3]. Физические различия также могут повлиять на способность женщин комфортно работать с промышленным оборудованием. Опять же, большая часть техники разработана с учетом потребностей мужчин, проверка оборудования тоже проводится мужчинами, поэтому женщинам труднее работать. К сожалению, Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» не содержит норм, регулирующих особенности труда и безопасности рабочего места работников женского пола[4]. Получается, различия, заложенные между полами природой, не учитываются законодательством.

Стереотипы также влияют на безопасность женщин. Работа, связанная с женщинами, ошибочно считается более безопасной или легкой, чем она есть на самом деле. Европейское агентство по безопасности и гигиене труда пришло к выводу, что женщины имеют больше кожных заболеваний, чем мужчины, из-за работы – из-за многократного воздействия чистящих средств или парикмахерских химикатов[5]. В Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» необходимо ввести обязанность по разграничению условий труда в зависимости от пола работника и обязать Роструд провести оценивание условий женского труда, с учетом особенностей женского организма.

В национальной стратегии действий

[1] Об утверждении Методических рекомендаций по проверке создания и обеспечения функционирования системы управления охраной труда : приказ Роструда от 21 марта 2019 г. № 77 // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2019. № 6.

[2] Living and working in Europe 2023 // Eurofound – European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. 2024. 2 May. URL: https://www.eurofound.europa.eu/en/resources/data-story/2024/living-and-working-europe-2023 (дата обращения: 31.12.2024).

[3] Selecting the Right PPE for Women: Hand, Foot, and Body Safety / Cordova Safety Products // Safeopedia. URL: https://www.safeopedia.com/2/1652/personal-protective-equipment-ppe/ppe-for-women-hand-foot-and-body-safety (дата обращения 31.12.2024).

[4] О специальной оценке условий труда : федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. 30 декабря. № 52 (ч. I). Ст. 6991.

[5] Gender issues in safety and health at work. Summary of an Agency report // FACTS. European Agency for Safety and Health at Work. URL: http://www.osha.mddsz.gov.si/resources/files/pdf/Factsheet_42_-_Gender_issues_in_safety_and_health_at_work.pdf (дата обращения 31.12.2024).

в интересах женщин на 2023–2030 годы[1] пишется, что россиянки ориентированы на карьеру и полную занятость, а также отмечается, что работа сочетается с семейными обязанностями женщин. Кроме того, указывается, что женщины получают меньшую оплату, так как заняты в отраслях, оплачиваемых ниже среднего по стране (образование, здравоохранение). Предлагается расширять участие женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития (технические профессии, точные науки). Получается, государство признает неприоритетными сферы занятости женщин, хотя здравоохранение и образование не могут быть менее приоритетными, чем тяжелая промышленность. Также не учитывается природная склонность женщин к состраданию и воспитанию, необходимых в больницах и школах. Независимо от ценности труда, государство низко оценивает труд в этих важных социальных сферах, на которые мужчины неохотно идут в связи с низкой оплатой за сложную и ответственную работу.

На наш взгляд, требуется проведение полной оценки состояния безопасности всех рабочих мест, а не только связанных с опасными работами.

Большинство специалистов по безопасности и охране труда знают, какое влияние длительные рабочие смены оказывают на работников [8, с. 107]. В то же время дополнительная неоплачиваемая работа, которую женщины часто делают дома, не принимается в расчет – например, приготовление пищи, уборка, уход за детьми, стирка и т. д. Мужчины, напротив, тратят гораздо меньше времени на домашнюю работу. Если учесть это, то работающие женщины также тратят от 6 до 8 часов на неоплачиваемый труд – это составляет рабочий день, который длится от 10,5 до 12,5 часов. Получается, такая концентрация работы по дому и работы в организации может привести к стрессу, выгоранию и плохому сну. И с точки зрения безопасности это означает сокращение способности принимать решения и ухудшение концентрации во время работы.

Несмотря на некоторый прогресс, достигнутый в этом направлении, женщины в большинстве случаев не занимают должности руководителей органов власти или крупных предприятий [7, с. 8]. Женщин–губернаторов и мэров – единицы. Таким образом, отстаивать свои права, не занимая руководящих должностей и будучи не представленными в органах власти в пропорциональном с мужчинами количестве, довольно проблематично. В отличие от других стран, в России нет законодательства, регулирующего количество женщин, которые должны быть на руководящих должностях.

Отметим способы, которыми можно бороться за права женщин. Так, в США активно применяются забастовки, за права женщин судятся профсоюзы [9, с. 26]. Важно понимать и приоритетную роль государства в защите прав женщин. С учетом демографического кризиса России, женщин необходимо поддерживать, соблюдать баланс между семьей и работой. Государство активно поддерживает участников специальной военной операции финансовыми стимулами, освобождением от уголовного преследования [10, с. 54]. На наш взгляд, роль женщин в защите интересов страны и традиционных ценностей – не меньше, чем у военнослужащих.

Как справедливо отмечают Е.Г. Азарова и О.В. Моцкая: «в сфере правового регулирования труда необходимо учитывать не только одинаковые, но и различающиеся интересы и потребности лиц разного пола, в том числе биологически обусловленные их разными социальными ролями в продолжении рода» [11, с. 157]. По мнению автора статьи, стоит рассмотреть возможность оплаты ежемесячного пособия женщинам, задействованным в воспитании детей и не работающим, а также оплачивать им минимальную пенсию. Это необходимо, поскольку часто женщины, не сумевшие совместить работу с рождением и воспитанием семьи, заняты не менее важным делом, чем работающие.

Полагаем, что необходимо внести из-

[1] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 год (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. 2 января. № 1 (ч. III). Ст. 477.

менения в Трудовой кодекс Российской Федерации. Статья 254 Трудового кодекса «Гарантии и компенсации для женщин» устанавливает дополнительные гарантии и компенсации для женщин, работающих в условиях, связанных с особыми условиями труда, запрещает принимать женщин на работу, связанную с поднятием тяжестей и подземными работами. Ее следует дополнить гарантиями того, что средства индивидуальной защиты (каски, маски, перчатки, ремни безопасности, жилеты) будут разработаны с учетом особенностей женского тела. Также следует принять изменения в Трудовой кодекс, закрепив норму о женских квотах в руководстве организаций. В Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» необходимо внести нормы, прописывающие оценку состояния безопасности для всех рабочих мест, а не только опасных, например, исследовать воздействие на работников чистящих средств или парикмахерских химикатов.

Список литературы

1. Масякина П.А. Гарантия защиты трудовых прав женщин в России // Державинский форум. 2022. Т. 6. № 3. С. 454–461.
2. Чингисбаева А.Е. Трудовые права беременных женщин и молодых матерей // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). С. 164–169.
3. Хамзина В.И., Хам Ю.И. Соотношение защитной и экономической функции трудового права при регулировании труда женщин // Эволюция российского права : материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28–29 апреля 2022 года / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. С. 674–682.
4. Десфонтейнес Л.Г., Корчагина Е.В. Рынок труда в России: особенности возрастной и гендерной структуры // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 233–237.
5. Баринов В.А. Цифровизация: внедрение передовых технологий в бизнес // Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Казань, 23–24 мая 2023 года / под ред. А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. Казань : Общество с ограниченной ответственностью «АРТИТЕХ», 2023. С. 624–628.
6. Sex Differences in Injury Patterns Among Workers in Heavy Manufacturing / Oyebode A. Taiwo, Linda F. Cantley, Martin D. Slade, Keshia M. Pollack, Sally Vegso, Martha G. Fiellin, Mark R. Cullen // American Journal of Epidemiology. Volume 169. Issue 2, 15 January 2009. P. 161–166.
7. Баринов В.А. Проблемы обеспечения защиты от дискриминации женщин при реализации права на труд // Вестник права. 2023. № 3 (3). С. 4–9.
8. Галицкая Н.В. Проблемы интеграции инвалидов Латинской Америки в сферу труда // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 5. С. 105–114.
9. Галицкая Н.В. Право на забастовку и обеспечение безопасности: опыт США // Право и правоприменение в сфере труда и социального обеспечения: современные реалии и тенденции развития : сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Саратов, 9 декабря 2022 года. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2023. С. 25–32.
10. Баринов В.А. Потенциал уголовного закона в части освобождения от наказания участников боевых действий // Уголовно-правовые и криминологические средства обеспечения национальной безопасности : материалы XX Международной научно-практической конференции для молодых ученых, Екатеринбург, 15 февраля 2024 года. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. С. 52–59.
11. Азарова Е.Г., Моцкая О.В. Труд и социальное обеспечение женщин: актуальные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 12. С. 141–160.

References

1. Masyakina P.A. Garantiya zashchity trudovyh prav zhenshchin v Rossii // Derzhavinskij forum. 2022. T. 6. № 3. S. 454–461.
2. Chingisbaeva A.E. Trudovye prava beremennyh zhenshchin i molodyh materej // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2020. № 1 (59). S. 164–169.
3. Hamzina V.I., Ham Yu.I. Sootnoshenie zashchitnoj i ekonomicheskoj funkcii trudovogo prava pri regulirovanii truda zhenshchin // Evolyuciya rossijskogo prava : materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i studentov, Ekaterinburg, 28–29 aprelya 2022 goda / Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet.

Ekaterinburg : Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet», 2022. S. 674–682.
4. Desfontejnes L.G., Korchagina E.V. Rynok truda v Rossii: osobennosti vozrastnoj i gendernoj struktury // Zhurnal pravovyh i ekonomicheskih issledovanij. 2019. № 3. S. 233–237.
5. Barinov V.A. Cifrovizaciya: vnedrenie peredovyh tekhnologij v biznes // Ekonomika budushchego: trendy, vyzovy i vozmozhnosti : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Kazan', 23–24 maya 2023 goda / pod red. A.V. Gumerova, M.F. Safargalieva. Kazan' : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «ARTITEH», 2023. S. 624–628.
6. Sex Differences in Injury Patterns Among Workers in Heavy Manufacturing / Oyebode A. Taiwo, Linda F. Cantley, Martin D. Slade, Keshia M. Pollack, Sally Vegso, Martha G. Fiellin, Mark R. Cullen // American Journal of Epidemiology. Volume 169. Issue 2, 15 January 2009. P. 161–166.
7. Barinov V.A. Problemy obespecheniya zashchity ot diskriminacii zhenshchin pri realizacii prava na trud // Vestnik prava. 2023. № 3 (3). S. 4–9.
8. Galickaya N.V. Problemy integracii invalidov Latinskoj Ameriki v sferu truda // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2024. T. 20. № 5. S. 105–114.
9. Galickaya N.V. Pravo na zabastovku i obespechenie bezopasnosti: opyt SShA // Pravo i pravoprimenenie v sfere truda i social'nogo obespecheniya: sovremennye realii i tendencii razvitiya : sbornik statej po materialam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Saratov, 9 dekabrya 2022 goda. Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2023. S. 25–32.
10. Barinov V.A. Potencial ugolovnogo zakona v chasti osvobozhdeniya ot nakazaniya uchastnikov boevyh dejstvij // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie sredstva obespecheniya nacional'noj bezopasnosti : materialy XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii dlya molodyh uchenyh, Ekaterinburg, 15 fevralya 2024 goda. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. V.F. Yakovleva, 2024. S. 52–59.
11. Azarova E.G., Mockaya O.V. Trud i social'noe obespechenie zhenshchin: aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27. № 12. S. 141–160.

Информация об авторе (авторах): Галицкая Наталья Владимировна, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О, д. 57/43), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Galitskaya Natalya Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (199178, Russia, St. Petersburg, Sredny pr. V.O., d. 57/43), Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 80.01.2025; approved after 22.01.2025; review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 347.211
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.007

Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют

С.П. Мышакова[1]
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения современного российского законодательства, регулирующие вопросы правого регулирования в сфере цифровизации экономики, а именно цифровых финансовых активов и цифровых валют. В статье автором представлен краткий анализ нормативных правовых актов и пробелов в законодательстве, возникающих в дальнейшем регулировании данной сферы. Рассмотрены существующие проблемы в настоящее время, такие как риск мошенничества, система налогообложения, важность международного сотрудничества, решение которых обеспечивают стабильность финансовой системы. Посредством использования сравнительно-правового метода зарубежных практик с интегративным подходом аргументируется создание единого правового поля для цифровых активов, которое обеспечит соблюдение законодательства и защиту прав и законных интересов инвесторов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые валюты, правовое регулирование, криптовалюта, международное сотрудничество.

Для цитирования: Мышакова С.П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровых валют // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 43–46.

Original article

Legal regulation of digital financial assets and digital currencies

S.P. Myshakova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article discusses the main provisions of modern Russian legislation governing legal regulation in the field of digitalization of the economy, namely digital financial assets and digital currencies. In the article, the author presents a brief analysis of regulatory legal acts and gaps in legislation that arise in the further regulation of this area. The current problems such as the risk of fraud, the taxation system, and the importance of international cooperation are considered, the solution of which ensures the stability of the financial system. Through the use of the comparative legal method of foreign practices with an integrative approach, the creation of a single legal framework for digital assets is argued, which will ensure compliance with the law and protect the rights and legitimate interests of investors.

Keywords: digital financial assets, digital currencies, legal regulation, cryptocurrency, international cooperation.

For citation: Myshakova S.P. Legal regulation of digital financial assets and digital currencies // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 43–46.

С развитием цифровизации экономики в современном обществе и совершенствованием форм расчетов возникли новые формы активов, такие как цифровые финансовые активы (далее по тексту – ЦФА) и цифровые валюты, требующие пересмотра традиционных подходов к правовому регулированию отношений в этой сфере. Данные инструменты представляют собой инновационные финансовые решения, требующие создания новых механизмов защиты прав потребителей, предотвращения

[1] Научный руководитель – Нугуманов А.Р., заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

© Мышакова С.П., 2025.

мошенничества и обеспечения стабильности финансовой системы. Как справедливо отмечает М.М. Долгиева, проблема регулирования криптовалюты находится на стыке ряда отраслей права [1, с. 7], поскольку, с одной стороны, криптовалюта (или цифровая валюта) используется как средство платежа, соответственно, такое средство культивируется в гражданском обороте; с другой стороны, платежные средства попадают в поле уголовно-правовой охраны, поскольку являются собственностью субъектов экономической деятельности.

ЦФА, по своей сути, являются цифровыми аналогами традиционных финансовых инструментов, таких как акции, облигации, займы и векселя. Они могут быть обеспечены различными материальными и нематериальными активами, включая драгоценные металлы, недвижимость, акции или финансовые обязательства компаний. Более того, ЦФА могут принимать форму гибридных активов, обеспеченных одновременно несколькими видами активов – ценными бумагами, товарами или услугами. Это позволяет расширить горизонты их применения и создать новые возможности для инвесторов.

Цифровая валюта представляет собой специфическую форму цифрового актива, использующую криптографические методы для обеспечения безопасности транзакций и управления процессом создания новых единиц валюты. В отличие от традиционных фиатных валют, таких как доллар или евро, которые контролируются государственными учреждениями и центральными банками, криптовалюты функционируют на децентрализованных платформах и обеспечивают пользователям большую степень анонимности и свободы.

ЦФА и цифровые валюты в отечественной системе гражданского права не выделяются как самостоятельные объекты гражданских правоотношений, обозначенных в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако статья 141.1 ГК РФ содержит определение понятия цифровых прав как объекта гражданских правоотношений[1].

В России правовое регулирование ЦФА стало возможным благодаря принятому 31 июля 2020 года Федеральному закону № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ № 259).

Согласно ФЗ № 259 ЦФА представляют собой «цифровые права», которые могут удостоверять различные виды прав, включая денежные требования и права участия в капитале непубличных акционерных обществ. Это определение подчеркивает, что ЦФА не являются просто цифровыми активами, а представляют собой конкретные права, которые могут быть реализованы в рамках правовой системы. Ключевые права, указанные в законе, включают: 1) денежное требование – право на получение денежных средств; 2) права по эмиссионным ценным бумагам – возможность осуществления прав, связанных с ценными бумагами, которые были выпущены; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества – возможность участия в управлении и распределении прибыли; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг – право на получение ценных бумаг в соответствии с условиями выпуска.

Согласно ФЗ № 259 цифровая валюта представляет собой «совокупность электронных данных», которые могут использоваться в качестве средства платежа или инвестиционного инструмента. Ключевые характеристики цифровой валюты включают: 1) средство платежа – возможность использования в качестве средства обмена на товары и услуги или как инвестиционный объект; 2) независимость от традиционных валют – отсутствие обеспечения со стороны рубля или иностранной валюты; 3) отсутствие обязательств перед держателями – отсутствие лица, которое обязано выполнять требования держателя инфор-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

мации, за исключением оператора информационной системы.

Неопределенность правового статуса криптовалют в России порождает множество вопросов. Криптовалюты, такие как биткойн и эфириум, не подпадают под действие ФЗ № 259, поскольку они не имеют четкого правового статуса и не обеспечиваются никакими активами или обязательствами со стороны конкретных лиц. Это создает риски как для инвесторов, так и для государства, поскольку отсутствие регулирования может привести к мошенничеству, манипуляциям на рынке и другим финансовым преступлениям.

Федеральный закон от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], обычно именуемый законом о краудфандинге или законом об инвестиционных платформах, предусматривает возможность существования особого вида токенов – «утилитарных цифровых прав». Они состоят в праве требовать передачи вещей; праве требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; праве требовать выполнения работ или оказания услуг.

По смыслу закона, утилитарные цифровые права должны использоваться в целях привлечения денежных средств для финансирования экономической деятельности, поэтому их следует считать инвестиционным инструментом. Предполагается, что с их помощью мелким и средним предпринимателям станет проще получить прямой доступ к финансированию новых проектов. Инвесторы, предоставившие денежные средства, в будущем получают право на вознаграждение в виде продукта или услуги, произведенных предприятием. В этом смысле утилитарные цифровые права в классификации цифровых активов оказываются в ряду инвестиционных токенов. Публично-правовой элемент проявляется в организации их оборота – осуществление утилитарных цифровых прав и распоряжение ими возможны лишь в инвестиционной платформе, аккредитованной Центральным банком России.

Теперь в Федеральном Законе от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» закреплено, что операция по передаче утилитарных цифровых прав и (или) цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно ЦФА и утилитарные цифровые права, подлежит обязательному контролю в случае, если одновременно выполняются условия, определенные законом[2].

Следует отметить, что в 2022 году был принят Федеральный закон № 324 ФЗ от 14 июля 2022 года[3], который вносит изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации в части, касающейся определения порядка налогообложения и учета ЦФА. Налоговый режим, который будет распространяться на ЦФА, будет соответствовать тем активам, которые лежат в их основе.

Сравнение с международной практикой также подчеркивает важность адаптации законодательства к быстро меняющимся условиям рынка. В США регулирование ЦФА осуществляется через несколько федеральных агентств, таких как SEC и CFTC [2, с. 218]. Такой подход создает неопределенность для участников рынка, поскольку различные агентства могут интерпретировать одни и те же активы по-разному.

В Европейском Союзе проект Регламента о рынках криптоактивов (MiCA) [3, с. 53] направлен на создание единого правового поля для ЦФА. Он охватывает ключевые

[1] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

[2] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федеральный закон Российской Федерации от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33. Ст. 3418.

[3] О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 29 (ч. III). Ст. 5291.

аспекты, такие как регистрация эмитентов, защита прав инвесторов и соблюдение требований по борьбе с отмыванием денег. Такой комплексный подход может служить примером для России в стремлении создать устойчивую правовую инфраструктуру для цифровых активов.

Несмотря на существующие проблемы, такие как неопределенность правового статуса различных видов цифровых активов и потенциальные риски, связанные с мошенничеством и отмыванием денег, развитие законодательства в этой области продолжает набирать темпы. Принятие ФЗ № 259 стало важным шагом, однако дальнейшая эволюция правовой базы необходима для того, чтобы учесть разнообразие форм цифровых активов и их функциональные особенности.

Сравнительный анализ международных практик, таких как подходы Европейского Союза и США, демонстрирует необходимость интеграции лучших практик в российское законодательство. Это может включать в себя создание единого правового поля для цифровых активов, которое обеспечит не только защиту прав инвесторов, но и будет способствовать инновациям и развитию новых технологий в финансовом секторе. Ключевым направлением для дальнейших исследований и разработок становится интеграция правовых механизмов, которые будут учитывать специфику ЦФА, а также необходимость создания условий для их безопасного использования. Это создаст основу для устойчивого развития финансового сектора в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы

1. Долгиева М.М. Теоретические основания уголовной политики в сфере оборота криптовалюты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 474 с.
2. Татоян А.А. Характеристики цифровых финансовых активов по законодательству зарубежных стран // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3. С. 218–220.
3. Егорова М.А. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2. С. 53–56.

References

1. Dolgieva M.M. Teoreticheskie osnovaniya ugolovnoj politiki v sfere oborota kriptovalyuty : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2023. 474 s.
2. Tatoyan A.A. Harakteristiki cifrovyh finansovyh aktivov po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 3. C. 218–220.
3. Egorova M.A. Problemy sootnosheniya i pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty, bitkoina, cifrovoj i virtual'noj valyuty: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 2. S. 53–56.

Информация об авторе (авторах): Мышкова Снежана Павловна, курсант 3 курса Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Myshakova Snezhana Pavlovna, 3rd year cadet of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 09.01.2025; approved after 23.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 343.573
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.008

Исторический аспект уголовно-правового регулирования незаконного оборота алкогольной продукции в Советский период

А.И. Бадретдинов
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
badretdinov.ainur@rambler.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируются историко-правовые основы формирования законодательства, направленного на противодействие незаконному производству и обороту алкогольной продукции в период Советской власти. Применение историко-правового метода играет решающую роль в разработке действенных правовых инструментов, которые способствуют эффективной борьбе с этим негативным явлением как в сфере правоприменения, так и в рамках уголовно-правовой науки. Анализ исторического опыта правового регулирования ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции позволил автору сделать вывод о тесной взаимосвязи между успешностью мероприятий по сокращению потребления алкоголя в Российской Федерации, ликвидацией нелегального рынка алкоголя и эффективностью уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями в этой сфере.

Ключевые слова: незаконный оборот, сбыт, алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция, самогоноварение, уголовная ответственность, советская власть.

Для цитирования: Бадретдинов А.И. Исторический аспект уголовно-правового регулирования незаконного оборота алкогольной продукции в Советский период // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 47–50.

Original article

The historical aspect of the criminal law regulation of illegal alcohol trafficking in the Soviet period

A.I. Badretdinov
Ufa Law InstituteMinistry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
badretdinov.ainur@rambler.ru

Abstract. This study analyses the historical and legal basis for the formation of legislation aimed at counteracting the illegal production and trafficking of alcoholic beverages during the Soviet period. The application of the historical and legal method plays a crucial role in the development of effective legal tools that contribute to the effective fight against this negative phenomenon both in the sphere of law enforcement and within the framework of criminal law science. The analysis of the historical experience of legal regulation of responsibility for the illegal circulation of alcoholic and alcohol-containing products allowed the author to conclude that there is a close relationship between the success of measures to reduce alcohol consumption in the Russian Federation, the elimination of the illegal alcohol market and the effectiveness of criminal-legal measures to combat crimes in this area.

Keywords: illegal trafficking, sale, alcoholic and alcohol-containing food products, moonshining, criminal liability, Soviet power.

For citation: Badretdinov A.I. The historical aspect of the criminal law regulation of illegal alcohol trafficking in the Soviet period // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 47–50.

Широкое распространение злоупотребления спиртными напитками наносит существенный урон здоровью населения, семейным отношениям, общественной безопасности и экономике в целом. Для эффективного решения этой проблемы требуется проведение всестороннего анализа и обобщения передовых методов борьбы с незаконным

© Бадретдинов А.И., 2025.

оборотом алкогольной продукции. В истории можно наблюдать многочисленные попытки государственного регулирования данной проблемы. В частности, после прихода к власти в октябре 1917 года большевики закрепили демократические завоевания революции и провели ряд важных реформ. Однако реализация этих преобразований осуществлялась в чрезвычайно сложных условиях, вызванных многолетней войной и ее разрушительным воздействием на экономику. Начало осуществления преобразований, проводимых большевистской партией, совпало с периодом глубокого социально-политического кризиса, осложненного гражданской войной, иностранной интервенцией и сопротивлением населения проводимым реформам. В сложившихся обстоятельствах была реализована политика «военного коммунизма», которая проводилась поэтапно в период с весны 1918 года по март 1921 года [1, с. 52].

В период ранней Советской власти производство и продажа алкоголя были под строгим контролем. Ввиду устойчивого спроса на алкогольную продукцию и необходимости дополнительного финансирования, в середине 1920-х годов было принято решение о снятии запрета на ее легальную продажу. Это привело к активизации торговли и росту цен на алкоголь, а также к сохранению традиций массовых застолий в России. В последующие годы снижение цен на алкоголь способствовало расширению нелегального рынка и увеличению объема незаконной продажи спиртных напитков.

26 августа 1923 года Центральным Исполнительным Комитетом СССР и Советом Народных Комиссаров СССР было принято постановление о возобновлении производства и реализации спиртных напитков на территории Советского Союза [2, с. 64]. Данное постановление вступило в силу с 1 января 1924 года, ознаменовав установление государственного контроля над производством и продажей алкоголя. В результате этого решения граждане страны получили возможность вновь приобретать спиртные напитки после длительного периода их запрета.

В целях обеспечения процветания и рентабельности государственного производства алкоголя советское правительство провело ряд строгих мер по борьбе с незаконным производством и оборотом спиртных напитков. В 1925 году политика государства в отношении производства и реализации алкогольной продукции претерпела существенные изменения. Было принято решение о возобновлении легального производства и продажи спиртных напитков, однако с внедрением строгих контрольных мер. Введение новых форм контроля над производством и оборотом крепких алкогольных напитков позволило государству более эффективно выявлять и оценивать масштабы нелегальной торговли алкоголем. Одновременно с этим, в 1926 году вступивший в силу Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) установил уголовную ответственность за преступления, связанные с нелегальным производством и реализацией алкоголя [3, с. 26]. В частности, статья 100 предусматривала наказание за нарушение правил акцизного сбора или патентных платежей в виде принудительных работ сроком до одного года или штрафа до одной тысячи рублей с конфискацией контрабандных товаров.

Согласно УК РСФСР 1926 года[1] производство, хранение с целью сбыта, а также сам сбыт алкогольной продукции без соответствующей лицензии, превышение допустимой крепости, равно как и незаконное хранение такой продукции для последующей продажи, рассматривались как уголовно наказуемые преступления, предусмотренные статьей 101. За совершение этих деяний предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до одного года с конфискацией части имущества или без такового. Статья 102 того же кодекса устанавливала ответственность в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ сроком до одного года, а также штрафа до пятисот рублей с конфискацией самогона и оборудования для его производства за изготовление и хранение самогона с целью продажи, а также за его торговый оборот в качестве промысла. Кроме того, статья 103 предусматривала уголовную ответственность за изготовление, хранение, ремонт и продажу в качестве промысла оборудования, предназначенного для производства самогона [4, с. 50].

В середине 1930-х годов советское госу-

[1] Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / сост. и отред. коллективно: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов и В.П. Усков. М. : Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927 (14-я тип. Мосполиграф). 553 с.

дарство предприняло решительные меры, которые привели к практически полному уничтожению теневой экономики, достигнув ее исторических минимумов. Несмотря на то, что во время Великой Отечественной войны производство алкоголя не было полностью прекращено, его объемы сократились в пять раз. Полное восстановление производства произошло лишь к 1948 году.

После возобновления производства спиртных напитков государство предприняло шаги по регулированию процессов, связанных с их производством, реализацией и потреблением. В 1961 году был принят Указ Президиума ВС РСФСР «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»[1], который предусматривал штрафные санкции и меры ответственности за нелегальную продажу алкоголя. Несмотря на принятые меры, теневой рынок алкоголя продолжал активно функционировать. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года законодательная база РСФСР была дополнена положениями, направленными на усиление мер борьбы с пьянством и алкоголизмом. Были установлены уголовные санкции за вовлечение несовершеннолетних граждан в употребление алкогольных напитков[2]. В последующие годы серия указов Президиума Верховного Совета РСФСР (от 1 октября 1985 года, 28 мая 1986 года и 5 июня 1987 года) внесла изменения в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях[3], ужесточив ответственность за производство, приобретение, хранение и реализацию спиртных напитков домашнего изготовления.

В 1985 году был принят закон, предусматривающий усиление ответственности за незаконную розничную торговлю спиртными напитками домашнего производства. В УК РСФСР 1960 года была включена статья 158, устанавливающая уголовное наказание в виде лишения свободы до трех лет за производство, сбыт и хранение крепких спиртных напитков домашнего изготовления. Повторное совершение данного правонарушения каралось лишением свободы на срок от трех до пяти лет с конфискацией имущества.

Государством была построена стабильная система производства и реализации алкогольной продукции, которая демонстрировала устойчивый рост до 1985 года. Тем не менее в ходе проводимой перестройки под руководством М.С. Горбачева был издан Указ «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» [5, с. 95], принятый без глубокого анализа исторических и экономических факторов. В результате этого решения ряд предприятий ликероводочной промышленности был закрыт и перепрофилирован на производство безалкогольных напитков, что привело к существенному ущербу для отечественной отрасли производства алкоголя. Данный указ вызвал широкое народное недовольство, спровоцировал дефицит водки, спекуляцию, резкий рост производства нелегального алкоголя и увеличение смертности от употребления суррогатов.

В 1990 году государственные органы признали допущенные ранее ошибки в регулировании отрасли, что привело к кризисной ситуации в период с 1990 по 1992 год. Данный кризис негативно повлиял на качество продукции и объемы производства, нарушив стабильность, характерную для предшествующих шестидесяти лет. Одновременно наблюдалось ухудшение криминогенной обстановки в отрасли, проявившееся в усилении организованности преступной деятельности, связанной с производством и оборотом алкоголя. Появились масштабные нелегальные производства, сопоставимые по объему с промышленными. В условиях отсутствия государственной поддержки законные производители также были вынуждены прибегать к выпуску продукции без соответствующего учета. Действующее уголовное законодательство оказалось недостаточно эффективным в свете произошедших политических и социально-экономических преобразований, поскольку оно не охватывало новые виды противоправной деятельности, которые ранее не считались преступлениями. Одновремен-

[1] О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке : указ Президиума ВС СССР от 21 июня 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35. Ст. 368.

[2] О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма : указ Президиума Верховного Совета РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 21. Ст. 758.

[3] Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) (ред. от 20 марта 2001 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.

но с этим некоторые действия, ранее признававшиеся преступными, утратили свою общественную опасность. Несмотря на законодательные меры, предпринятые как до, так и после распада Советского Союза, проблема нелегального розничного оборота алкоголя в России продолжала существовать.

После Октябрьской революции 1917 года Советское государство осуществило решительный поворот в сторону ужесточения борьбы с незаконным производством и распространением спиртных напитков. Такой подход был присущ всему периоду существования СССР, однако наибольшая активность в пресечении этого явления наблюдалась в первой половине XX века. Принятие УК РСФСР в 1960 году положило начало процессу либерализации уголовного законодательства, затронувшему также нормы, касающиеся незаконного оборота алкоголя.

Таким образом, анализ исторического опыта правового регулирования ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи между эффективностью мер по сокращению потребления алкоголя в Российской Федерации, ликвидации нелегального рынка алкоголя и эффективностью уголовно-правовых инструментов борьбы с преступлениями в этой области. В настоящее время государство продолжает активно бороться с нелегальной розничной торговлей алкоголем. К таким мерам относятся ужесточение нормативно-правовой базы, усиление контроля за соблюдением правил реализации и потребления алкогольных напитков, а также проведение масштабных просветительских мероприятий, направленных на профилактику алкоголизма.

Список литературы

1. Муравьева Л.А. Военный коммунизм: теория и практика // Финансы и кредит. 2002. № 7 (97). С. 52–60.
2. Садовых К.В. Исторический аспект становления и развития уголовно-правового запрета на незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (советский период) // Научный компонент. 2020. № 2 (6). С. 63–68.
3. Денисов В.С. Уголовная ответственность за незаконные производство и оборот алкогольной продукции: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 180 с.
4. Сериков Р.В. Развитие советского уголовного законодательства об ответственности за незаконные производство и оборот алкогольной продукции // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 48–50.
5. Ващук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и ее последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 94–108.

References

1. Murav'eva L.A. Voennyj kommunizm: teoriya i praktika // Finansy i kredit. 2002. № 7 (97). S. 52–60.
2. Sadovyh K.V. Istoricheskij aspekt stanovleniya i razvitiya ugolovno-pravovogo zapreta na nezakonnye proizvodstvo i (ili) oborot etilovogo spirta, alkogol'noj i spirtosoderzhashchej produkcii (sovetskij period) // Nauchnyj komponent. 2020. № 2 (6). S. 63–68.
3. Denisov V.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye proizvodstvo i oborot alkogol'noj produkcii: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. 180 s.
4. Serikov R.V. Razvitie sovetskogo ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nezakonnye proizvodstvo i oborot alkogol'noj produkcii // Social'no-politicheskie nauki. 2018. № 6. S. 48–50.
5. Vashchuk A.S., Krushanova L.A. Antialkogol'naya politika v SSSR v gody perestrojki i ee posledstviya v dal'nevostochnom regione // Rossiya i ATR. 2014. № 4 (86). S. 94–108.

Информация об авторе (авторах): Бадретдинов Айнур Ильдарович, адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Badretdinov Ainur Ildarovich, adjunct of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 16.01.2025; approved after 26.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 343.121.5
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.009

Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами

К.Р. Бабаева[1]
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности регламентации и осуществления уголовно-правовой охраны прав несовершеннолетних. Установлено, что законодательство Российской Федерации содержит правовые условия и юридические средства, направленные на достижение высоких стандартов обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав несовершеннолетних. Анализируются факторы совершения преступлений несовершеннолетними, а также условия совершения противоправных деяний в отношении несовершеннолетних. По мнению автора, защита прав несовершеннолетних, кроме прочего, обеспечивается уголовно-правовыми средствами, которые являются наиболее эффективными, поскольку позволяют защитить жизнь и здоровье детей. Защита прав несовершеннолетних с использованием информационных ресурсов, возможностей правоохранительных органов имеет существенное значение в деле предупреждения совершения новых преступлений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, права, защита прав, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

Для цитирования: Бабаева К.Р. Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 51–56.

Original article

Protection of the rights and interests of minors by criminal law

K.R. Babaeva
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. This work examines the specifics of the regulation and implementation of criminal law protection of the rights of minors. It has been established that the legislation of the Russian Federation contains legal conditions and legal means aimed at achieving high standards for ensuring the protection and restoration of the violated rights of minors. The factors of committing crimes by minors, as well as the conditions for committing unlawful acts against minors, are analyzed. According to the author, the protection of the rights of minors is, among other things, ensured by criminal legal means, which are the most effective, since they protect the life and health of children. The protection of the rights of minors using information resources and the capabilities of law enforcement agencies is essential in preventing the commission of new crimes.

Key words: minors, rights, protection of rights, criminal legislation, criminal liability.

For citation: Babaeva K.R. Protection of the interests of minors by criminal legal means // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 51–56.

Категория несовершеннолетних лиц является наиболее уязвимой в современных условиях развития информационного общества и динамично развивающегося государства, поэтому требует совершенствования правовых средств защиты несовершеннолетних, включая деятельности органов государственной власти. В соот-

[1] Научный руководитель – Шайхуллин М.С., профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

© Бабаева К.Р., 2025.

ветствии с ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации[1] государство обеспечивает защиту детей. По смыслу ст. 38 Основного закона несовершеннолетние находятся под защитой государства. Согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России.

В такой конституционной постановке вопроса о защите прав и интересов несовершеннолетних необходимо констатировать существование целой системы органов публичной власти, в том числе правоохранительных органов и правовых средств, которые направлены на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Защита прав данной категории лиц, кроме прочего, обеспечивается уголовно-правовыми средствами, которые, на наш взгляд, являются наиболее эффективными, особенно когда речь идет о сохранении жизни, здоровья детей. Нормы уголовного права направлены на защиту интересов многих субъектов и правоотношений от совершения преступных посягательств. Достаточно большой объем норм уголовного закона создают правовые условия для защиты интересов несовершеннолетних, поскольку составы преступлений против несовершеннолетних или малолетних включаются в группу квалифицированных и особо квалифицированных признаков составов преступлений.

Как справедливо отмечают ученые, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, связанное с его вовлечением в преступную группу либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 4. ст. 150 УК РФ), следует рассматривать как особо квалифицированный признак состава преступления [1, с. 183], что предусматривает достаточно суровую ответственность. Подобного рода действия содержат в себе повышенную степень общественной опасности, поскольку малолетние или несовершеннолетние не во всех случаях отдают себе отчет в том, какие последствия от совершения преступления в составе преступной группы будут иметь в дальнейшем продолжение в случае уголовного преследования лиц, совершивших преступления, или какие последствия от ущерба будут ложиться на плечи родителей или иных лиц, например, в случае уничтожения или повреждения государственного имущества.

Так, в сентябре 2024 года в аэропорту Ноябрьска двое несовершеннолетних подожгли вертолет Ми-8. Несовершеннолетних завербовали через Telegram-канал и пообещали заплатить 5 млн рублей, а ущерб от этого преступления составил 300 млн рублей[2]. В силу п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] при совершении преступлений, когда гражданам, организациям, публично-правовым образованиям причиняется ущерб, такой ущерб подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим. В соответствии с ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законный представитель или прокурор могут предъявить гражданский иск о возмещении ущерба в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий[4]. Если исходить из приведенного примера с совершением преступления несовершеннолетними, то, естественно, они не смогут возместить ущерб самостоятельно, да еще в размере 300 млн рублей. Если обратить возмещение ущерба на родителей, которые хоть и не совершали преступления, но все же несут ответственность за воспитание своих детей, то в этом случае семья может остаться без средств к существованию, ведь потребуется возмещать ущерб от преступления, который может быть весьма существенным. В одном из своих постановлений Пленум

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 гю) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Подростки добрались до вертолета // Комерсантъ. 2024. 11 сентября.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Верховного Суда Российской Федерации отметил, что в случаях, когда вред причинен преступлением, совершенным несовершеннолетним, не имеющим доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, его родители или попечители привлекаются в качестве гражданского ответчика наряду с обвиняемым[1]. Причем могут быть заявлены требования по возмещению не только материального, но и морального вреда, причиненного преступными действиями несовершеннолетних. Если несовершеннолетние не осознают, насколько существенными могут быть последствия от совершенного преступления, то можно прийти к выводу о необходимости наиболее широкого применения информационного метода в образовании, позволяющего транслировать несовершеннолетним различные последствия от совершения преступлений, «обеспечить прямое воздействие на обучающегося» [2, с. 115].

Защита прав несовершеннолетних с использованием информационных ресурсов, возможностей правоохранительных органов имеет существенное значение в деле предупреждения совершения новых преступлений. Умение правильно и понятно разъяснить нормы уголовного права имеет значение в плане доведения до несовершеннолетних информации о последствиях совершения противоправных, общественно опасных деяний, особенно совершаемых под воздействием иных лиц. Только в позитивном ключе следует рассматривать преподавание основ уголовного права в школах и колледжах. Доведение до сведения несовершеннолетних последствий совершения преступлений следует рассматривать как важный информационно-коммуникативный элемент общей системы защиты прав и интересов этой категории граждан. Особенно важно проводить такую работу с родителями или лицами, их заменяющими.

Для этого следует восстановить те формы работы с населением, которые практиковались в советский период, в частности, проведение собраний с населением по вопросам о наиболее сложных аспектах защиты прав и свобод человека и гражданина. Такая же, но целенаправленная, специализированная работа должна проводиться с молодыми сотрудниками органов внутренних дел в части пресечения незаконных действий несовершеннолетних. Так, в Московском метрополитене была задержана несовершеннолетняя Д. по подозрению в принадлежности к неформальной группировке «ЧВК Редан». Прокуратурой по ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации была проведена проверка, в ходе которой установлены нарушения при составлении протокола о доставлении, получении объяснений от несовершеннолетней и о задержании подростка. В адрес начальника УВД на Московском метрополитене было внесено представление об устранении нарушений закона, а виновные лица были наказаны[2].

В данном аспекте следует отметить важное, если не сказать решающее, значение фактора оценки совершаемого деяния. Умение правильно оценить ситуацию, квалифицировать действия лица, отличить преступное от непреступного деяния также имеет существенное значение для соблюдения принципа законности. Как справедливо отмечает А.А. Князьков, значение квалификации преступления проявляется в общесоциальном смысле, как практическое средство реализации уголовной политики и необходимое условие осуществления единой законности в стране, формирования правового государства [3, с. 12]. Следовательно, нормативные основы для правил квалификации преступных деяний можно рассматривать как уголовно-правовые средства, обеспечивающие охрану и защиту прав человека от незаконных, преступных посягательств.

В этом плане защита прав несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами обеспечивается путем закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) соответствующих норм, что в ши-

[1] ВС разъяснил, что родители должны отвечать рублем за преступления детей // Российская газета. 2020. 18 октября.

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 123 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org (дата обращения: 26.12.2024).

роком смысле является правовым условием запрета на нарушение прав и интересов несовершеннолетних под угрозой применения уголовного наказания. Но это, как уже было сказано выше, является широким подходом, поскольку в вышеприведенном примере обозначены уголовно-процессуальные средства защиты интересов государства, если преступления совершают несовершеннолетние. Таким образом, уголовно-правовые нормы можно рассматривать как средства защиты прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств в широком смысле. А усиливаются эти правовые средства защиты через взаимосвязь уголовно-правовых запретов с конкретными инструментами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством, а также гражданским законодательством Российской Федерации. А.Р. Шарипова справедливо отмечает, что «повышение качества правосудия по уголовным делам с помощью правовых средств, используемых в других видах правосудия, является необходимым и желаемым следствием конвергенции процессуальных отраслей права» [4, с. 32]. Это означает, что эффективность уголовно-правовых средств защиты прав и интересов несовершеннолетних обеспечивается за счет привлечения юридических инструментов других отраслей права, синергетически взаимосвязанных с уголовным правом.

В арсенале уголовно-правовых средств защиты прав и интересов несовершеннолетних имеются правовые условия возраста, с которого наступает уголовная ответственность; правила привлечения к уголовной ответственности, закрепленные в главе 14 УК РФ. Так, привилегированные правила предусматривают, что несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Такой подход гуманизирует систему применения уголовных наказаний, в отличие от советского периода, когда несовершеннолетнему могли назначать реальный срок наказания за преступление небольшой тяжести, совершенного впервые. Так, в ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года[1] закреплялось, что лица, совершившие преступления в возрасте от 14 до 16 лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство (ст. 102–106), умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья (ст. 108–111, 112, ч. 1), изнасилование (ст. 117), похищение человека (ст. 125.1), разбой (ст. 146), грабеж (ст. 145), кражу (ст. 144), злостное или особо злостное хулиганство (ст. 206, ч. 2 и 3), мошенничество (ст. 147). То есть за совершение кражи, если при этом суд не найдет оснований, что лицо может исправиться без изоляции от общества, несовершеннолетнего, совершившего преступление впервые, могли отправить в воспитательную колонию.

По справедливому мнению ученых, именно обеспечением уголовно-правовыми средствами неприкосновенности личности, защиты ее от преступных посягательств прежде всего и осуществляется принцип гуманизма [5, с. 31]. В одной из своих работ профессор Н.Ф. Кузнецова писала, что «репрессии сталинского режима власти убедительно подтверждают, что с идеологической, политической, социальной враждебностью, которая не объективировалась в конкретных преступлениях, нельзя бороться уголовно-правовыми средствами» [6, с. 40]. Следовательно, уголовно-правовые средства могут объективироваться в аспекте соблюдения принципа законности. Это особенно актуально в части исследования проблем, относящихся к соблюдению прав и интересов несовершеннолетних. Так, следует привести пример, в котором обеспечение взаимосвязи уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств уполномоченными субъектами сложно наблюдать. В интересах своего несовершеннолетнего сына Ф., который был жестоко избит Д., в результате чего тот получил многочисленные телесные повреждения, включая закрытую черепно-мозговую травму с сотрясением головного мозга, обра-

[1] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (ред. от 30 июля 1996 г.) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

тился А. Он сообщил, что расследование уголовного дела по данному факту неоднократно приостанавливалось, а в итоге вовсе прекратилось в связи с истечением срока давности[1]. В результате неоднократных обращений аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации решение о прекращении уголовного дела было отменено, следствие возобновлено, Д. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 112 УК РФ, уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу (вх. № А-141 от 25 июля 2023 г.).

Необходимо отметить, что государство всеми силами и средствами обеспечивает высокий уровень правовой охраны несовершеннолетних в России. Обращаясь к положениям Конвенции ООН, можем отметить, что несовершеннолетним является лицо, которое не достигло соответствующего возраста, которое для каждого государства устанавливается самостоятельно и определяется индивидуально, нуждается в охране и защите со стороны лиц, которые могут это обеспечить, например, родители, опекуны[2]. Вместе с тем уголовно-правовая охрана прав несовершеннолетних достигается не только посредством соблюдения норм уголовного закона, но и в процессе криминализации определенного рода деяний, предусматривающих ответственность за посягательства на права и интересы несовершеннолетних. В таком ключе, как средства защиты прав несовершеннолетних, можно рассматривать нормы уголовного закона, в которых несовершеннолетнее лицо, не достигшее возраста 16 лет, является потерпевшим лицом, а именно неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего – ст. 156 УК РФ, развратные действия – ст. 135 УК РФ.

Проблематика закрепления уголовно-правовых средств заключается в том, что несовершеннолетнее лицо, совершившее противоправное деяние, квалифицируемое как преступление в системе действующего правового регулирования, выступает в качестве субъекта преступления. Вместе с тем заблуждение несовершеннолетнего относительно противоправного характера совершаемых действий, особенно когда такими действиями руководит взрослый человек, обусловливает деструктивное психическое состояние подростков, при которых дети используются как орудия совершения преступлений. Специалисты правильно считают, что для обеспечения прав ребенка нередко требуются механизмы юридической, в том числе и уголовно-правовой защиты [7, с. 149]. В этом аспекте защита прав несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами может иметь эффективный уровень, когда будут задействованы все институты политической системы общества, институты государственной власти, правоохранительные органы, правозащитные организации. Фактор закрепления норм в уголовном законодательстве и взаимосвязанных с ними правовых средств, находящихся в арсенале уголовно-процессуального, гражданского законодательства – есть только первая, но очень важная ступень защиты прав и интересов несовершеннолетних. Участие конкретных субъектов права (управомоченных лиц) в такой защите является следствием закрепления конкретных правовых средств в законодательстве. От того, насколько будут активно задействованы правозащитные возможности правоохранительных органов и других участников правовых отношений по защите прав детей, малолетних, несовершеннолетних, будет зависеть показатель гарантий уголовно-правовой охраны субъектов права, нуждающихся в защите государства.

Список литературы

1. Уголовное право. Особенная часть : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, профессора А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, профессора А.И.

[1] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год. С. 123 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org (дата обращения: 27.12.2024).

[2] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 44-я сессия. Дополнение № 49 (A/44/49). С. 230–239.

Чучаева. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ» : ИНФРА-М, 2008. 800 с.
2. Шустова И.Ю. Методы и формы воспитания современного школьника // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 112–117.
3. Теория и практика квалификации преступлений : учебное пособие / А.А. Князьков; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 100 с.
4. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 62 с.
5. Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2016. 442 с.
6. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М. : Издательский дом «Городец», 2007. 336 с.
7. Гончарова С.В., Полунина Е.Н. Уголовно-правовая защита прав и интересов несовершеннолетних // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 147–154.

References

1. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' : uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. / pod red. d-ra yurid. nauk, professora L.V. Inogamovoj-Hegaj, d-ra yurid. nauk, professora A.I. Raroga, d-ra yurid. nauk, professora A.I. Chuchaeva. M. : Yuridicheskaya firma «KONTRAKT» : INFRA-M, 2008. 800 s.
2. Shustova I.Yu. Metody i formy vospitaniya sovremennogo shkol'nika // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2024. T. 24. Vyp. 1. S. 112–117.
3. Teoriya i praktika kvalifikacii prestuplenij : uchebnoe posobie / A.A. Knyaz'kov; Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. Yaroslavl' : YarGU, 2018. 100 s.
4. Sharipova A.R. Konceptual'nye osnovy mezhotraslevoj konvergencii v sudebnom proizvodstve po ugolovnym delam : avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2022. 62 s.
5. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' : uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. A.I. Plotnikov. Orenburg : OOO IPK «Universitet», 2016. 442 s.
6. Kuznecova N.F. Problemy kvalifikacii prestuplenij : lekcii po speckursu «Osnovy kvalifikacii prestuplenij» / nauch. red. i predisl. akademika V.N. Kudryavceva. M. : Izdatel'skij dom «Gorodec», 2007. 336 s.
7. Goncharova S.V., Polunina E.N. Ugolovno-pravovaya zashchita prav i interesov nesovershennoletnih // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2018. № 2. S. 147–154.

Информация об авторе (авторах): Бабаева Камиля Ринатовна, курсант 2 курса Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Babaeva Kamilla Rinatovna, 2nd year cadet of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 17.01.2025; approved after 27.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.010

Врачебная ошибка: уголовно-правовой аспект

З.И. Хасанова[1]
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности врачебных ошибок как медицинских преступлений. Выделены проблемы, существующие при применении норм Уголовного кодекса Российской Федерации, связанные с врачебными (медицинскими) ошибками. Проанализированы факторы конфликтогенов, возникающих между медицинским работником и пациентом, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, а также предложены пути решения.

Ключевые слова: врачебная ошибка, медицинские преступления, медицинский работник, врач, пациент, больной, причинно-следственная связь.

Для цитирования: Хасанова З.И. Врачебная ошибка: уголовно-правовой аспект // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 57–61.

Original article

Medical error: criminal law aspect

Z.I. Khasanova
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The article discusses some features of medical errors as medical crimes. The problems existing in the application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation related to medical errors are highlighted. The factors of conflicts arising between a medical worker and a patient, which entailed harm to interests protected by criminal law, were analyzed, and solutions are proposed.

Keywords: medical error, medical crimes, medical worker, doctor, patient, sick, causality.

For citation: Khasanova Z.I. Medical error: criminal law aspect // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 57–61.

В настоящее время все еще сохраняется низкий уровень доверия к качеству медицинского облуживания, предоставляемого на бесплатной основе. По данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, фактический показатель удовлетворенности населения России медицинской помощью по состоянию на 1 октября 2024 года составляет 54,9 %[2]. По некоторым данным, однако требующим проверки, такой показатель является низким, в связи с чем возникает острая необходимость повысить компетентность деятельности медицинского персонала, от которой зависит жизнь человека и здоровье людей. Поскольку медицинская деятельность обеспечивает важнейшие конституционные ценности – жизнь и здоровье человека, она должна быть подвержена самому строгому контролю со стороны государства.

Ежегодно в отношении медицинских работников возбуждается около двух тысяч уголовных дел. В 2022 году каждая третья жалоба от пациента становилась основа-

[1] Научный руководитель – М.С. Шайхуллин, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

[2] Министерство здравоохранения оценило уровень удовлетворенности населения качеством медицинской помощи в 55 % // Единый центр зачисления медицинских специалистов НМО. URL: https://www.edu-med-nmo.ru/medinfo/ministerstvo-zdravoohraneniya-ocenilo-uroven-udovletvorennosti-naseleniya-kachestvom-medicinskoy-pomoschi-v-55 (дата обращения: 15.01.2025).

© Хасанова З.И., 2025.

нием для возбуждения уголовного дела в отношении врачей[1]. В 2023 году в России число уголовных дел, возбужденных против медицинских работников, достигло исторического максимума. Особенно увеличилось количество дел по статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), касающихся оказания медицинских услуг, повлекших смерть пациента или причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. По мнению специалистов, эта тенденция является тревожным сигналом[2]. Разграничение преступного и непреступного поведения медицинских сотрудников является важным юридическим аспектом, в том числе с позиции уголовно-правовой оценки. Следует согласиться с тем, что ошибка врача отнюдь не всегда означает недостаток медицинских знаний [1, с. 92], поскольку, даже обладая высокой квалификацией, врач может совершить ошибку в связи с неверным определением медицинского объекта исследования. Во время пандемии COVID-19 пациентов увозили в специальные учреждения здравоохранения, но впоследствии оказывалось, что в организме пациента изначально коронавирусной инфекции не было. Это означало, что диагноз был поставлен неправильно.

Чаще всего медицинские работники, являясь специальными субъектами, могут совершать преступления, связанные с оказанием медицинской помощи, где непосредственным объектом выступают жизнь и здоровье граждан. Именно поэтому обратимся к главе 16 УК РФ. Наличие вины является важнейшим аспектом при расследовании медицинских преступлений. Редко бывает, когда вред причиняется умышленно, но этот вариант также следует включить в общее понятие медицинских преступлений. По мнению исследователей, по причинам объективного характера совершается 30–40 % ошибок, субъективного – 60–70 % [2, с. 44].

В основном у медицинского работника нет цели причинить вред здоровью пациенту, ошибки совершаются по неосторожности. За преступления, совершенные по неосторожности, медицинские работники в основном привлекаются к ответственности по следующим статьям: ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ст. 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией), ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному).

Объективная сторона медицинских преступлений включает обязательные признаки: общественно опасное деяние, выраженное в форме действия или бездействия; преступное последствие; причинно-следственная связь между двумя вышеуказанными признаками. При анализе объективной стороны исследуемых преступлений важным является такой аспект, как наличие причинно-следственной связи между деянием – оказанием медицинской помощи и наступившим последствием. Именно от действий (бездействия) во многом зависит результат и качество оказанной медицинской услуги.

В основном медицинские работники становятся субъектами преступлений против жизни и здоровья граждан и привлекаются к ответственности по ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, устанавливающим ответственность за причинение смерти по неосторожности и тяжкого вреда здоровью по неосторожности соответственно. В данных статьях имеется квалифицирующий признак, который выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей, то есть субъект является специальным. Субъектом же преступления может быть только лицо, профессионально занимающееся определенной деятельностью, исполняющее свои обязанности и при осуществлении врачебной деятельности причиняющее другому лицу тяжкий вред либо вред со смертельным исходом. Использование указанного признака в рассматриваемой сфере обычно объясняется особенностями профессии медицинского работника, налагающими на него соответствующие обязанности по отношению к пациенту, неисполнение кото-

[1] Медиков не оставляют без дел // Коммерсантъ. 2023. 19 сентября.

[2] По каждой второй жалобе на медицинских работников следователи начинают возбуждать уголовные дела // Единый центр зачисления медицинских специалистов НМО. URL: https://www.edu-med-nmo.ru/medinfo/po-kazhdoy-vtoroy-zhalobe-na-medicinskih-rabotnikov-sledovateli-nachinayut-vozbuzhdat-ugolovnye-dela (дата обращения: 15.01.2025).

рых может иметь крайне неблагоприятные последствия. Это означает, что медицинский работник должен отдавать себе отчет в возможных рисках наступления последствий, связанных с качеством профессиональной деятельности.

Чаще всего привлекаются к уголовной ответственности медицинские работники тех специальностей, которые требуют наиболее сложных процедур или же оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни состоянии. Здесь можно вести речь о врачах-хирургах, анестезиологах и реаниматологах, а также акушерах-гинекологах. Последние не только имеют дело с процессами ведения беременности и родовспоможения, которые могут быть весьма непредсказуемы, но и обязаны учитывать возможность причинения вреда как самой женщине, так и новорожденному ребенку вследствие нарушения нормального течения беременности.

Что касается ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), то здесь возникает вопрос: почему помощь не была оказана? В квалификацию данной статьи нельзя включать неполное оказание медицинской помощи и неправильное лечение. Неоказание помощи больному практически приравнивается к отказу от ее оказания. Важнейшим условием является отсутствие уважительных причин. Субъективная сторона представлена в форме умысла. При неосторожной форме вины деяние следует квалифицировать по ст. 109, 118 УК РФ.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) медицинским работникам не допускается отказывать в оказании медицинской помощи[1]. Здесь возникают вопросы: что, если лицо само отказалось от оказания помощи? Будут ли в таком случае врачи нести ответственность? Как зафиксировать отказ лица от помощи?. Интересной представляется работа Н.Н. Аськова, который предлагает в качестве примечания к ст. 124 УК РФ выделить случаи, не попадающие под квалификацию данной статьи, а именно он указывает, что «к неоказанию помощи пациенту не относятся случаи, связанные с отказом от нее пациента или законного представителя…» [3, с. 10]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку введение примечания к ст. 124 УК РФ послужит обеспечению защиты прав медицинских работников в вышерассмотренном случае.

Кроме того, согласно ст. 124 УК РФ потерпевшим признается «больной», однако законодательно не раскрывается, что подразумевается под данной категорией лиц. В ст. 2 ФЗ № 323 лишь закреплено определение к термину «пациент», под которым понимается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Однако понятия «больной» и «пациент» не тождественны в смысле ст. 124 УК РФ.

А.И. Кулькин предлагает альтернативу – «неоказание медицинской помощи лицу, в ней нуждающемуся», считая, что понятие «больной» является оценочным и его нецелесообразно использовать в законе. В его понимании больным является «любое лицо, которое объективно нуждается в медицинской помощи и: а) специально обратилось за ее оказанием; б) проходило плановое обследование; в) которому медицинская помощь оказывалась без его согласия; г) оказалось в ситуации, требующей срочного медицинского вмешательства (например, при автомобильной катастрофе). При этом с точки зрения медицины потерпевший может и не быть собственно больным (например, беременные женщины, роженицы) [4, с. 84].

Вышеуказанные статьи действуют в отношении тех лиц, на которых законом возложена обязанность по оказанию помощи. Врачи же обладают такой обязанностью согласно главе 5 ФЗ № 323. Если же медицинские работники не осуществляют свою деятельность на основе данного нормативного правового акта или инструкций, стандартов, то следует считать, что они ненадлежащим образом оказывают медицинскую помощь. Так, более 7 лет расследовалось

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323 ФЗ // Российская газета. № 263. 2011. 23 ноября.

и рассматривалось уголовное дело Елены М., которая 25 июля 2013 года, будучи врачом-гематологом, взяла фрагмент костного мозга гр-на Б. в целях лабораторного исследования. Однако пациент скончался от внутреннего кровотечения 28 июля того же года после проведения операции по удалению аппендицита. По версии суда, врач-гематолог по неосторожности проткнула иглой кровеносный сосуд. Лишь в январе 2015 года было возбуждено уголовное дело по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности». М. свою вину не признавала, утверждая, что пациент скончался не по ее вине, поскольку был болен множеством других заболеваний. Позднее М. вменялся более тяжкий состав, а деяние было переквалифицировано на п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. В январе 2018 года суд приговорил врача к двум годам лишения свободы в колонии общего режима, позже решение суда было отменено, а уголовное дело прекращено в марте 2021 года за отсутствием состава преступления[1]. Исходя из данного примера, отметим, что, применяя к медицинским сотрудникам нормы уголовного закона, правоприменитель должен в обязательном порядке учитывать тот факт, что они допустили нарушение, которое причинило вред здоровью и жизни пациента, умышленно допуская грубые нарушения в правилах оказания медицинской помощи. В обязательном порядке должна быть установлена причинно-следственная связь между конкретными действиями врача и наступившими последствиями. Между тем есть мнение, что латентность преступлений, совершенных вследствие врачебных ошибок, связывается с недостаточной компетенцией сотрудников правоохранительных органов [5, с. 90], с чем сложно согласиться, поскольку выявившиеся признаки латентных преступлений в данной сфере следует связывать больше с фактами сокрытия клинических ошибок, нежели с компетенцией сотрудников органов правопорядка.

Таким образом, в настоящее время интерес к вопросам врачебных ошибок не пропадает. Возникают некоторые проблемы, связанные с защитой нарушенных прав как самих медицинских работников, так и пациентов. Поскольку профессия медицинских работников связана с большим риском, на специальном субъекте лежат определенные правила и запреты. Следует отметить, что возникают трудности в определении лица, по вине которого была допущена врачебная ошибка. Данная проблема связана с тем, что при лечении практически все врачи взаимодействуют с пациентом и получается, что виновен конкретный врач, который последним участвовал в лечении пациента. Именно поэтому по уголовным делам, связанным с медицинскими преступлениями, необходимо устанавливать причины и условия совершенного деяния и наступившего последствия. На наш взгляд, на законодательном уровне следует рассмотреть вопрос об освобождении от уголовной ответственности врачей в случаях соблюдения ими всех необходимых требований оказания медицинской услуги или помощи по реабилитирующим основаниям, а также специально исследовать обстоятельства, исключающие преступность их деяния.

Список литературы

1. Малышева Ю.Ю., Малышев В.К. Уголовно-правовые аспекты врачебных ошибок в соотношении с «виной» пациента // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 2. № 4 (106). С. 90–99.
2. Вертепова Т.А. Уголовно-правовые аспекты врачебной ошибки: проблемы, причины и пути их преодоления // Общество и право. 2023. № 4 (86). С. 42–46.
3. Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 24 с.
4. Кулькин А.И. К вопросу об уголовной ответственности за неоказание помощи больному // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 82–86.
5. Козлова А. Врачебная ошибка. Уголовно-правовой аспект регулирования // Актуальные вопросы права: теоретические и практические проблемы : сборник научных трудов по результатам научно-практической конференции, Казань, 19 мая 2020 года / под общ. ред. Г.А. Нафиковой, Г.М. Хамитовой. Казань : ООО «Офорт», 2020. С. 81–92.

[1] Дело № 10-23995/2021 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/534829-5 (дата обращения: 17.01.2025).

References

1. Malysheva Yu.Yu., Malyshev V.K. Ugolovno-pravovye aspekty vrachebnyh oshibok v sootnoshenii s «vinoj» pacienta // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2023. T. 2. № 4 (106). S. 90–99.
2. Vertepova T.A. Ugolovno-pravovye aspekty vrachebnoj oshibki: problemy, prichiny i puti ih preodoleniya // Obshchestvo i pravo. 2023. № 4 (86). S. 42–46.
3. As'kov N.N. Ugolovno-pravovye predpisaniya ob obstoyatel'stvah, isklyuchayushchih prestupnost' deyaniya, v primenenii k medicinskomu rabotniku : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Samara, 2021. 24 s.
4. Kul'kin A.I. K voprosu ob ugolovnoj otvetstvennosti za neokazanie pomoshchi bol'nomu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 2. S. 82–86.
5. Kozlova A. Vrachebnaya oshibka. Ugolovno-pravovoj aspekt regulirovaniya // Aktual'nye voprosy prava: teoreticheskie i prakticheskie problemy : sbornik nauchnyh trudov po rezul'tatam nauchno-prakticheskoj konferencii, Kazan', 19 maya 2020 goda / pod obshch. red. G.A. Nafikovoj, G.M. Hamitovoj. Kazan' : OOO «Ofort», 2020. S. 81–92.

Информация об авторе (авторах): Хасанова Земфира Ильдаровна, слушатель 5 курса Уфимского юридического института МВД России (450000, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2).

Information about the author(s): Khasanova Zemfira Ildarovna, 5th year cadet of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, Muksinova St., 2).

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 29.01.2025; approved after 24.02.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

Научная статья
УДК 347.965.982
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.011

Принцип нравственности в адвокатуре

М.С. Шайхуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
selir07@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается принцип нравственности в адвокатской деятельности и адвокатуре. Автор отмечает, что в действующем законе об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также Кодексе профессиональной этики адвоката указанный принцип раскрывается через использование иных смежных с нравственностью категорий. Нравственность рассматривается в аспекте внутреннего мотивационного состояния адвоката, его нацеленности на защиту прав и свобод человека и гражданина и вместе с тем социально-культурного оформления личности защитника, решающего проблемные вопросы разных по уровню своего поведения доверителей. Подвергается исследованию опыт присяжной и советской адвокатуры по вопросам соблюдения норм профессиональной этики, традиций адвокатуры, системный анализ которого имеет существенное значение для развития культурологического пласта адвокатской корпорации. Анализируются предложения по изучению внутреннего (нравственного) состояния претендентов на статус адвоката.

Ключевые слова: принцип нравственности, профессиональная этика, адвокат, мораль, традиции адвокатуры, внутренне состояние адвоката.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. Принцип нравственности в адвокатуре // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 62–68.

Original article

The principle of morality in the bar

M.S. Shaikhullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
selir07@mail.ru

Abstract. The article examines the principle of morality in advocacy and advocacy. The author notes that in the current law on advocacy and advocacy, as well as the Code of Professional Ethics of a lawyer, the principle of morality is disclosed through the use of other categories related to morality. Morality is considered in the aspect of the internal motivational state of a lawyer, his focus on protecting the rights and freedoms of a person and a citizen, and at the same time the socio-cultural appearance of the personality of a defender who solves problematic issues of different clients in terms of his behavior. The experience of the jury and the Soviet bar on compliance with the norms of professional ethics, the traditions of the bar, the study of which is essential for the development of the cultural layer of the bar corporation, is being investigated. Proposals for studying the internal (moral) state of applicants for the status of a lawyer are analyzed.

Keywords: the principle of morality, professional ethics, lawyer, morality, traditions of the legal profession, the internal state of the lawyer.

For citation: Shaikhullin M.S. The principle of morality in the bar // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 62–68.

Нравственность относится к базовым ценностям российского общества, поэтому в силу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации[1] государство обеспечивает ее защиту в случаях, предусмотренных законодательством. Нравственность представляет собой внутренние качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости,

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 1. Ст. 4392.

© Шайхуллин М.С., 2025.

долга, чести [1, с. 547]; это совокупность социальных норм, определяющих поведение человека [2, с. 634].

Принцип нравственности не входит в перечень принципов, закрепленных в ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63 «Об адвокатской деятельности…»)[1]. По всей видимости, законодатель и адвокатское сообщество пришли к общему или частному мнению, что нравственность является элементом профессиональной этики, которая в широком смысле облечена в форму Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА). В нем немного упоминается о категории нравственности. В преамбуле КПЭА закрепляется, что адвокаты осознают нравственную ответственность перед обществом[2] и в связи с этим и другими причинами приняли данный кодекс.

В свое время Габриель Тард отмечал, что нравственное чувство выражается брезгливостью и невольным отвращением от действий нехороших, общевредных [3, с. 53]. Юрист, обладающий положительными качествами, в составе которых – состояние нравственности, не приемлющее нарушений законов и правил профессиональной этики, является серьезным оппонентом в защите от произвола и беззакония.

В соответствии с ч. 3 ст. 4 КПЭА в тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством, а также КПЭА, адвокату предписано соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе. Также в ч. 1 ст. 10 КПЭА закрепляется норма-принцип «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя». Всякие просьбы доверителя, обращенные к адвокату, содержащие смысл нарушения закона и нравственности, не могут быть исполнены адвокатом, т. к. он не имеет права поступиться законом и нравственностью. В буквальном смысле на этом использование категории «нравственность» в законе об адвокатуре и КПЭА заканчивается. Пытливый исследователь может найти много смежных с категорией «нравственность» понятий и определений, используемых в законе об адвокатуре и КПЭА. Но его «пытливость» закончится на методике разграничения этики, морали и нравственности как нетождественных явлений социально-правового порядка.

В свое время Совет присяжных поверенных разграничивал качества защитников, которые формируются под воздействием требований разрешать споры с законной точки зрения, а не по каким-то обывательским соображениям [4, с. 21]. Эдмон Пикар писал, что без способности воодушевляться чужим делом, чужим несчастьем адвокат просто делец [5, с. 40]. При этом он отмечал, что адвокат должен обладать качествами воинственности, высокой нравственности, способностью противостояния, а без них можно долго «рыться» в делах и все же оставить незамеченными самые ценные, самые существенные стороны [5, с. 41]. Исследуя принцип нравственности в деятельности юристов, ученые и практические работники все чаще будут обращаться к опыту советской адвокатуры, оценивая и сравнивая прошлое и настоящее.

В Советский период нормы морали оказывали серьезное воздействие на общество в целом и на адвокатуру в частности. Адвокат должен был быть образцом точного и неуклонного соблюдения советских законов, моральной чистоты и безукоризненного поведения [6, с. 9]. Кроме этого, на адвокатуру оказывал определенную степень воздействия советский партийно-номенклатурный аппарат, что, конечно же, нельзя относить к положительным факторам ее развития. Особенно сложные периоды адвокатура испытала в периоды становления молодого Советского государства.

По исследованиям Ю.И. Стецовского, участие адвокатов в отправлении правосудия в 1920–1930 е гг. имело чисто формальный характер, что было обусловлено адми-

[1] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

[2] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 15 апреля 2021 г.) // Российская газета. 2005. 5 октября.

нистративным давлением на адвокатуру со стороны органов партийно-советского управления и учреждений юстиции [7, с. 76]. Контролируемая государством адвокатура находилась в «застывшем» состоянии, чего нельзя сказать о самих адвокатах, проявивших немалое мужество в борьбе с произволом и беззаконием. Так, в работах М.П. Шаламова [8, с. 17] и М.В. Кожевникова [9, с. 14] последовательно отстаивается тезис о партийном руководстве адвокатскими объединениями и утверждается, что советская адвокатура ни в коем случае не может рассматриваться в качестве правопреемницы корпорации поверенных, типичного института буржуазной юстиции. Кроме действующих норм советской этики, адвокат должен был еще и соблюдать общепринятые в обществе нормы, закрепленные в моральном кодексе строителя коммунизма, содержавшего 12 положений о морали, особенно если адвокат состоял в коммунистической партии.

Выходящее за рамки профессиональной деятельности социально-нормативное регулирование становилось сдерживающим фактором развития адвокатуры в советское время. В рассматриваемый период принимаемые законы определяли ее задачи на основании существовавших в те годы политических и идеологических установок. Государственные органы стремились максимальным образом контролировать адвокатуру, ставить ее под строгий контроль государства [10, с. 234]. Нормы морали соответствовали принятым в советской среде социальным установкам «добросовестный труд на благо общества», «высокое сознание общественного долга», «нетерпимость к нарушениям общественных интересов», «каждый за всех, все за одного», «честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни», «непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству».

В Советский период адвокат должен был отвечать не только формально определенным условиям, но и иметь нравственные основания для участия в решении человеческих судеб, высказываний о поступках людей [11, с. 62]. Выявление «моральной чистоты» происходило посредством предоставления претендентом на статус адвоката информации о предыдущем месте работы. Доверие к адвокатам складывалось за счет общего нравственного поведения всех членов коллегии адвокатов. Аморальное или безнравственное поведение одного бросало тень на весь коллектив. Впрочем, такой принцип использовался не только в адвокатуре.

Ю.И. Стецовский отмечал, что ошибка в выборе профессии мстит за себя не только адвокату, но и людям, дела которых попадают в его неумелые и равнодушные руки [11, с. 62]. Что касается нормативного закрепления правил профессиональной этики, соблюдения норм морали, нравственности, то, как представляется, о них мало что было сказано в Законе РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР», быть может, за исключением одной нормы (ст. 16), в которой закреплялось, что адвокат должен быть образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения[1].

Можно принять великолепные нормы профессиональной этики, как это сделано в КПЭА, но нет никаких гарантий, что адвокат, соблюдающий нормы профессиональной или общественной этики, является с точки зрения внутреннего состояния нравственным человеком. Примеров высокого морального поведения и вместе с этим безнравственного состояния человека можно привести огромное количество. Правоохранительная практика знает немало случаев, когда под «личиной» внешне спокойного человека, который трудился, заботился о семье, имел хорошие отношения с соседями, скрывался преступник. Увы, в отличие от моральных поступков, которые порой специально «выкатываются» на показ, нравственное состояние требуется определить, установить. В этом заключается основная сложность изучения нравственного состояния лица, особенно претендующего на какую-либо должность. И здесь адвокат не исключение.

[1] Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР : закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1596.

Советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации не раз обращали внимание на вопросы морального и нравственного состояния адвокатов, которые можно разграничить на две основные группы: соблюдение этических норм в их общем поведении; нарушение социальных норм, принятых корпоративным сообществом, в практике правоприменения при производстве по гражданским, административным, уголовным делам. Если первая группа вопросов, относящихся к соблюдению моральных и этических норм, касается поведения адвоката с коллегами по профессии, в суде, органах государственной власти, органах местного самоуправления и не влечет серьезных правовых последствий, то вторая группа, связанная с обязанностью соблюдать законодательство и КПЭА, может влиять на изменение правового статуса адвоката, оказывать на него воздействие посредством применения негативных санкций.

Так, Адвокатская палата Московской области указывает на безнравственное поведение адвоката, который, руководствуясь интересами наживы, вводил в заблуждение доверителя, заведомо зная, что гражданин не является собственником земельного участка (собственником имущества являлась супруга заявителя), выбрал неверное процессуальное средство защиты прав доверителя – подачу искового заявления, что впоследствии привело к отрицательному результату, хотя при этом по соглашению принял денежные средства в счет оплаты профессиональной юридической помощи. По мнению Совета Адвокатской палаты Московской области, такое поведение подпадает под действие п. 2 ст. 5, п. 1 ст. 8, подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА, подп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ № 63 «Об адвокатской деятельности…». По другому делу комиссия совета адвокатской палаты признала действия адвоката нарушающими положения законодательства об адвокатуре и КПЭА в связи с тем, что он по электронной почте разослал досудебную претензию коллегам процессуального оппонента своего доверителя с тем, чтобы опорочить гражданина, а никак для сбора информации[1]. Правоприменительная практика знает и худшие примеры нарушения норм законодательства и профессиональной этики. Так, адвокат заранее принял у доверителя (осужденного) деньги для защиты его интересов в суде кассационной инстанции, но никаких действий не предпринял, что впоследствии привело к разбирательству в уголовном суде и наказанию адвоката[2]. Представляется, что такие случаи являются редкими и не могут бросать тень на всю корпорацию адвокатов, которые в своем большинстве выполняют профессиональные обязанности добросовестно.

К сожалению, в настоящее время преступные действия можно наблюдать в различных сферах государственного и муниципального хозяйствования. Только за 2023 г. по ст. 285 УК РФ было осуждено 487 должностных лиц, по ст. 286 УК РФ – 900 должностных лиц, а по ст. 290 УК РФ – 1 631 человек. Другое дело, когда сложный вопрос о нравственности юристов следует рассматривать и исследовать с позиции выявления «скрытых» психологических состояний людей, выполняющих сложную работу. Здесь необходимо отметить, что для нормативизма характерна верификация этики, в которой смешиваются мораль, нравственность, традиции адвокатуры. В таком сочетании возникают реальные риски осуждения нравственных адвокатов за их поступки, а также прощения безнравственных. По Гегелю, нравственное зло состоит в самодовлении, в сопротивлении добру [12, с. 393]. Н.А. Бердяев отмечал: «духовно ложно считать, что источник зла вне меня, а сам я сосуд добра» [13, с. 259].

В этом смысле подчинение нормативным установкам корпоративного сообщества адвокатов не во всех случаях и не всегда увязано с нравственным отношением конкретного адвоката к решениям, принимаемым в коллегии или палате, ибо и сами решения не всегда обусловлены интересами адвокатов. В этом смысле большую, если не сказать решающую роль в соблюдении внутренней, корпоративной этики играют

[1] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru (дата обращения: 05.01.2025).

[2] Адвокат получил срок за то, что взял деньги с осужденного и исчез // Царьград. 2023. 27 февраля.

руководители адвокатских образований, которые призваны транслировать мнение адвокатов иным как бы вышестоящим органам адвокатского самоуправления. Поэтому руководители адвокатских образований несут больший груз нравственной ответственности перед своими коллегами за отстаивание их мнения в процессе принятия решения адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации, с которыми в плане защиты доверителей они никак не связаны, если следовать положениям ч. 12 ст. 22 ФЗ № 63 «Об адвокатской деятельности…».

Совершенно очевидно, что руководители адвокатских образований как бы встроены в систему общего корпоративного управления, но их поступки, действия, принятие решений в отношении вопросов, волнующих простых адвокатов, должны свидетельствовать о доверии к ним и, как следствие, об их нравственном состоянии. Нравственное отношение руководителей адвокатских образований к принимаемым решениям заключается в том, чтобы следовать интересам коллег по профессии и тем самым проводить в жизнь принципы адвокатуры.

По мнению Е.Г. Тарло, в процессе реализации права на юридическую помощь присутствует недостаточно высокий профессиональный и морально-этический уровень значительной части юристов, особенно в ряде частных юридических фирм [14, с. 198]. Низкий профессионализм и этико-моральные качества адвокатов в новых структурах и, как итог, фактическое отсутствие какой-либо ответственности явились результатом недостаточного контроля со стороны руководящих органов адвокатских образований [15, с. 205]. Следует согласиться с А.А. Вороновым, что адвокат должен относиться к человеку с уважением, имея в виду прежде всего уважение прав, свобод и законных интересов доверителя, его достоинства [16, с. 16]. Есть мнение, что в процессе решения вопроса о допуске к экзамену на статус адвоката необходимо ввести квалифицированный психологический отбор претендентов посредством проведения с ними тестирования [17, с. 11].

Тестирование является дополнительным средством проверки качеств человека. Однако вряд ли тестирование – единственное и тем более эффективное средство выявления внутреннего (нравственного) состояния человека. По мнению А.Д. Бойкова, условия приобретения статуса адвоката должны быть дополнены сведениями о нравственных качествах претендента [18, с. 13]. В некоторых странах, чтобы проверить искренность претендента на статус судьи, адвоката и др. и определить нравственные качества кандидата на соответствующую должность, экзаменационными комиссиями используется практика, когда претенденту задают любые вопросы, никак не связанные с теми, которые были в билетах или которые укладываются в программу юридической специальности. Все чаще можно слышать предложения о применении так называемой профессиограммы к претенденту на статус адвоката. Но по мнению А.А. Фрумкина, «это процесс длительный, и потребует от психолога наличия незаурядной фантазии, не говоря уже о доскональном знании предмета» [19, с. 48].

Возрастающее значение норм этики в профессиональной деятельности адвоката, а также актуализация вопросов совершенствования этического поведения членов адвокатского сообщества обусловливают необходимость поиска моделей укрепления и поддержания имиджа всей корпорации адвокатов. Нельзя допустить, чтобы прибыль являлась основной целью профессиональной деятельности защитников, а мораль и нравственность отступали на второй план. «Благородный человек ценит мораль, а низкий человек ценит только выгоду» [20, с. 78]. Но «разумная выгода» в определенном смысле становится базой для развития культурологических аспектов в поведении адвокатов, поэтому без взаимодействия финансовой основы и социальной нормативности сложно выстраивать целеполагание таким образом, чтобы правовая деятельность укладывалась в строгие рамки законности, соответствовала моральным представлениям, отвечала позитивному внутреннему состоянию юриста, занимающегося сложной работой по защите прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка : словарь / Институт лингвистических исследований; ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1536 с.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка : [св. 110 000 слов. ст.] / под ред. Н.Ф. Татьянченко. М. : Альта-Пресс, 2005. 1207 с.
3. Спасович В.Д. Избранные труды. Минск : Редакция журнала «Промышленноторговое право», 2015. 320 с.
4. Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики / сост. А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов. М. : Статус, 2003. 429 с.
5. Пикар Эдмон. Об адвокате: (Парадокс): (Paradoxe sur l'avocat) / пер. с 3-го бельг. изд. [и предисл.] присяж. пов. М. Кетриц. М., 1898. 120 с.
6. Клевцов А.В. Становление и развитие российской адвокатуры в советский период (1917–1991). Историко-правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 220 с.
7. Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. М., 1972. 159 с.
8. Шаламов М.П. История советской адвокатуры. М. : Юриздат, 1939. 64 с.
9. Кожевников М.В. Советская адвокатура / Всес. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. М. : Юриздат, 1939. 52 с.
10. Павлова Г.А. Статус адвокатуры в Российской Федерации на современном этапе ее развития : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 254 с.
11. Стецовский Ю.И. Возникновение и прекращение членства в коллегии адвокатов и законодательство, регулирующее труд адвокатов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1987. № 1. С. 61–65.
12. Гегель Г. Наука логики. Том I. Объективная логика / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
13. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. М. : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. 446 с.
14. Тарло Е.Г. Роль адвокатуры в системе обеспечения конституционного права на юридическую помощь: российская действительность и мировой опыт : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 231 с.
15. Просвиркин А.Н. Организационные основы адвокатской деятельности и адвокатуры: сравнительно-правовой анализ исторического развития и формирования нормативно-правовой базы в России и зарубежных странах : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 231 с.
16. Воронов А.А. Роль адвокатуры в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 484 с.
17. Азаров Д.Н. Формирование профессиональных этических правил и дисциплинарной ответственности адвоката : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 204 с.
18. Бойков А.Д. Статус адвоката: содержание, квалификационные требования и принципы адвокатской деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 195 с.
19. Фрумкин А.А. Психологический отбор в профессиональной и образовательной деятельности. СПб. : Речь, 2004. 210 с.
20. Цзян Х., Чжен Ю. Размышление о соотношении концептов «мораль» и «выгода» в современной китайской философии / пер. с кит. Ван Цзиньлин // Философские науки. 2015. № 1. С. 76–85.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka : slovar' / Institut lingvisticheskih issledovanij; red. S.A. Kuznecov. SPb. : Norint, 2004. 1536 s.
2. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka : [sv. 110 000 slov. st.] / pod red. N.F. Tat'yanchenko. M. : Al'ta-Press, 2005. 1207 s.
3. Spasovich V.D. Izbrannye trudy. Minsk : Redakciya zhurnala «Promyshlennotorgovoe pravo», 2015. 320 s.
4. Pravila advokatskoj professii v Rossii: opyt sistematizacii postanovlenij Sovetov prisyazhnyh poverennyh po voprosam professional'noj etiki / sost. A.V. Vorob'ev, A.V. Polyakov, Yu.V. Tihonravov. M. : Status, 2003. 429 s.
5. Pikar Edmon. Ob advokate: (Paradoks): (Paradoxe sur l\'avocat) / per. s 3-go bel'g. izd. [i predisl.] prisyazh. pov. M. Ketric. M., 1898. 120 s.
6. Klevcov A.V. Stanovlenie i razvitie rossijskoj advokatury v sovetskij period (1917–1991). Istoriko-pravovoj aspekt : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. 220 s.
7. Stecovskij Yu.I. Advokat v ugolovnom sudoproizvodstve. M., 1972. 159 s.
8. Shalamov M.P. Istoriya sovetskoj advokatury. M. : Yurizdat, 1939. 64 s.
9. Kozhevnikov M.V. Sovetskaya advokatura / Vses. in-t yurid. nauk NKYu SSSR. M. : Yurizdat, 1939. 52 s.
10. Pavlova G.A. Status advokatury v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape ee razvitiya : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2005. 254 s.
11. Stecovskij Yu.I. Vozniknovenie i prekrashchenie chlenstva v kollegii advokatov i zakonodatel'stvo, reguliruyushchee trud advokatov // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 1987. № 1. S. 61–65.
12. Gegel' G. Nauka logiki. Tom I. Ob»ektivnaya logika / per. s nem. B.G. Stolpnera. Primedia E-launch LLC, 2017. 540 s.

13. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e. M. : Kanon+ : OI «Reabilitaciya», 2002. 446 s.
14. Tarlo E.G. Rol' advokatury v sisteme obespecheniya konstitucionnogo prava na yuridicheskuyu pomoshch': rossijskaya dejstvitel'nost' i mirovoj opyt : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2007. 231 s.
15. Prosvirkin A.N. Organizacionnye osnovy advokatskoj deyatel'nosti i advokatury: sravnitel'no-pravovoj analiz istoricheskogo razvitiya i formirovaniya normativno-pravovoj bazy v Rossii i zarubezhnyh stranah : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2007. 231 s.
16. Voronov A.A. Rol' advokatury v realizacii konstitucionnogo prava na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' : dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2009. 484 s.
17. Azarov D.N. Formirovanie professional'nyh eticheskih pravil i disciplinarnoj otvetstvennosti advokata : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2009. 204 s.
18. Bojkov A.D. Status advokata: soderzhanie, kvalifikacionnye trebovaniya i principy advokatskoj deyatel'nosti : avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2010. 195 s.
19. Frumkin A.A. Psihologicheskij otbor v professional'noj i obrazovatel'noj deyatel'nosti. SPb. : Rech', 2004. 210 s.
20. Czyan H., Chzhen Yu. Razmyshlenie o sootnoshenii konceptov «moral'» i «vygoda» v sovremennoj kitajskoj filosofii / per. s kit. Van Czin'lin // Filosofskie nauki. 2015. № 1. S. 76–85.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент, адвокат.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 09.01.2025; approved after 31.01.2025 review; accepted for publication 10.03.2025.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.13
DOI: 10.70569/2949-5725.2025.6.1.012

Рецензия на монографию В.М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. – Москва: Блок-Принт, 2022. – 176 с.

В.К. Самигуллин
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Российская Федерация
Svenir@inernet.ru

Аннотация. Монография широко известного в юридических кругах ученого-юриста доктора юридических наук, профессора В.М. Баранова написана в полемическом ключе, с привлечением разнопланового материала. На взгляд рецензента, автор прав, говоря, что приставка к какому-нибудь явлению «правовой» не преобразует его автоматически в юридический феномен. Но едва ли правильно противопоставлять понятия «правовая жизнь» и «правовая действительность». Они, представляется, совместимы. Если не сходить с «почвы» права, то в дискуссионном вопросе о двухаспектности юридической ответственности больше оснований рассматривать эту разновидность социальной ответственности только в ретроспективном плане. Однако это не лишает ее позитивного характера и социально-полезной направленности – в том смысле, что факт существования юридической ответственности как особого правового института ставит субъектов права в условия, где необходимо вести себя социально ответственно, а не произвольно, благоразумно, осмотрительно, держась социально-полезного, правомерного, доброго и справедливого, правового образа жизни. Тема поощрения и депоощрения, «поощрительной санкции» в определенной степени нова, сложна, тонка и многопланова; для полного прояснения ее требуются дополнительные основательные разработки. Несмотря на дискуссионность ряда положений, в целом монография направлена на развитие юридической науки в современных условиях, сложных и противоречивых, наводит на размышления и в этом отношении особенно полезна для пытливых исследователей проблем и вопросов теоретической и практической юриспруденции.

Ключевые слова: псевдоюридизация, квазиправовое понятие, «правовая жизнь», «позитивная юридическая ответственность», поощрение и депощрение, «поощрительная санкция».

Для цитирования: Самигуллин В.К. Рецензия на монографию В.М. Баранова «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. – Москва: Блок-Принт, 2022. – 176 с. // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С.69–74.

Review of V.M. Baranov's monograph «Positive Legal Responsibility»: controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. – Moscow: Block Print, 2022. – 176 p .

V.K. Samigullin
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russian Federation
svenir@internet.ru

Abstract. The monograph of the well-known legal scholar, Doctor of Law, Professor V.M. Baranov was written in a polemical manner, with the involvement of diverse material. In the reviewer's opinion, the author is right in saying that the prefix to some phenomenon of «legal» does not automatically transform it into a legal phenomenon. But it is hardly correct to contrast the concepts of «legal life» and «legal reality». They seem to be compatible. If you do not get off the «soil» of law, then in the debatable issue of the two-aspect of legal responsibility there is more reason to consider this type of social responsibility only in retrospect. However, this does not deprive her of a positive character and socially useful orientation – in the sense that the existence of legal responsibility as a special legal institution puts the subjects of law in conditions to behave socially responsible, and not arbitrarily; prudently, prudently, adhering to a socially useful, legitimate, kind and fair, legal lifestyle. The topic of encouragement and deprivation, «incentive sanction» is to a certain extent new, complex, subtle and multifaceted, that additional

Самигуллин В.К., 2025.

thorough developments are required to fully clarify it. Despite the discussion of a number of provisions, in general, the monograph is aimed at the development of legal science in modern conditions, complex and contradictory, is suggestive and in this regard is especially useful for inquisitive researchers of problems and issues of theoretical and practical jurisprudence.

Keywords: pseudo-consolidation, quasi-legal concept, «legal life», «positive legal responsibility», encouragement and deprivation, «incentive sanction».

For citation: Samigullin V.K. Review of the monograph by V.M. Baranov «Positive legal responsibility»: controversial concept, imaginary practice, virtual technique: monograph. – Moscow: Block Print, 2022. – 176 p. // Law and statehood. 2025. № 1 (6). P. 69–74.

Крупным и широко известным ученым-юристом Владимиром Михайловичем Барановым подготовлена и в 2022 году опубликована монография «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника». Она состоит из двух разделов: «Поощрительная санкция в праве как псевдопонятие: к вопросу об отсутствии нормативной основы «позитивной юридической ответственности» (Раздел 1, с. 37–63); «Позитивная юридическая ответственность как искусственно-ложная неправовая конструкция» (Раздел 2, с. 64–132)», а также заключения (с. 133–160) и еще одной части – «Вместо предисловия. Псведоюридическая терминология как негативный фактор функционирования правовой науки» (с. 3–36). На одиннадцати страницах (с. 161–171) представлена информация об авторе. Общий объем монографии – 176 с.[1]

В целом монография направлена на развитие юридической науки. Она интересна тем, что написана в полемическом ключе, с привлечением разнопланового материала. Автор обеспокоен проявлениями некорректности в использовании понятий (терминов, категорий) в отдельных исследованиях юридического плана, особенно в доктринальном аспекте. Он возражает не против правовых новелл, но против псевдоюридизации терминологии. «Выступая против псевдоюридической терминологии, квазиправовых понятий, должен пояснить: появление, обоснование и вкрапление в юридическую науку и практику новых категорий и понятий неизбежно и непрерывно. Самое трудное здесь отсеять из правового шлака инновационное содержание и форму внедряемого юридического феномена. Выработка общих и частных, существенных (обязательных) и вспомогательных (дополнительных) инновационных правовых продуктов – задача посильная крупному научно-исследовательскому центру или (в крайне редких случаях) гениальному исследователю-одиночке. В процессе научных дискуссий важна ранняя диагностика нарушений требования формулирования правовых понятий, правил их определения с учетом конкретной сферы его (понятия) функционирования», – пишет профессор [1, с. 30].

Автор монографии убежден в том, что «приставка к какому-нибудь явлению «правовой» автоматически не преобразует его в юридический феномен» [1, с. 5]. С его точки зрения, некритическое использование прилагательного «правовый» в научной исследовательской деятельности не повышает качества понятийно-категориального аппарата права, а засоряет его, ведя к формированию псевдоюридических понятий. К такого рода понятиям профессор относит: «правовое поле», «правовое пространство», «правовая среда», «правовой мир», «цифровое право», «машинописное право», «робототехническое право», «платформенное право», «правовая антикультура», «правовая толерантность», «правовая эмоция», «чувство законности», «правовая энергия», «юридическая память», «позитивная юридическая ответственность», «поощрительная санкция», «правовая жизнь», «правовой суверенитет» [1, с. 13].

Словом, по сути глубокоуважаемый и продвинутый ученый-юрист ставит вопрос о необходимости и важности установ-

[1] Рецензия дается на электронный вариант монографии, поэтому нумерация страниц может не совпадать с нумерацией страниц, приведенных в ее бумажном варианте.

ления того, когда, в каких случаях в теоретической и практической юриспруденции можно прибегать к прилагательному «правовой», а в каких – нет. При этом особое внимание им уделено понятиям «правовая жизнь», «позитивная юридическая ответственность», «поощрительная санкция». Указывая, что имеются как авторы, являющиеся сторонниками концептуализации обозначенных понятий, так и те, кто выступает противниками этого, он позиционирует себя как того, кто оценивает их в качестве неконструктивных псевдопонятий.

Включаясь в дискуссию в качестве стороннего наблюдателя, не желая обострять ее и не претендуя ни на что, кроме истины, хотелось бы обратить внимание на следующее.

Представляется, что «правовое» – одно из базовых понятий теоретической и практической юриспруденции. Но предельно определиться в нем, исходя только из его содержания, сложно. Чтобы разобраться, в чем суть правового, думается, необходимо всякий раз обращаться к его противоположности – неправовому, то есть к тому, что не является правовым, как и в случае с понятиями «право» и «неправо». И здесь возникают проблемы и вопросы, так как грань между правовым и неправовым (правом и неправом) «размытая», что создает сложности в выборе. Чтобы определиться, что из широкого многообразия вещей, поступков, отношений должно быть включено в правовую сферу – необходимое, полезное, эффективное – требуется избирательность. И здесь выясняется также, что существенное значение имеет то, какого типа и вида правопонимания придерживается тот или иной деятельный субъект познания: теоретик, законодатель, правоприменитель. Актуализируется проблема объективного и субъективного права. С социально-психологической точки зрения в связке с соответствующим пониманием права, в том числе специально-юридическим, открывается возможность даже для развития идеи об интерсубъективном праве. Приходится постоянно держать в поле зрения количественные и качественные показатели, особенности отношений (правоотношений), модусы.

И если принять все это во внимание, то профессор В.М. Баранов совершенно прав в том, что с понятием «правовой» необходимо обращаться с осторожностью. Произвольная привязка правового к тому или иному явлению или процессу на самом деле не ведет к формированию правового конструкта. Однако отнесение им некоторых понятий к псевдоюридическим вызывает возражения. Так, правовое пространство – это никакое не псевдоюридическое понятие, а вполне легальное продуктивное понятие, активно используемое как во внутригосударственном праве (национальном законодательстве), так и в международном праве.

Владимир Михайлович пишет: «Термин «жизнь» отражает и выражает множество разных смыслов, что позволяет ему участвовать в решении любых коммуникативных задач – от бытового общения до высокой поэзии, но именно это качество и эта способность не позволяют ему стать правовой категорией. Грубое перенесение, простое приспособление понятийного аппарата юриспруденции к заимствованным категориям любых иных наук нерационально и в итоге нежизнеспособно. Полагаю, что разумнее, точнее и перспективнее вести речь не о «правовой жизни», а о «правовом образе жизни человека», «правовом способе жизни людей», «правовой деятельности в обществе», «юридически значимой деятельности государства» [1, с. 24]. Профессор считает, что «судя по всему, А.В. Малько и его последователи ошиблись в выборе «предельно широкой категории» – в юриспруденции ею является не «правовая жизнь», а «правовая действительность» [1, с. 10].

Владимир Михайлович не отнес правовую политику к псевдоюридическим понятиям, отнести же к ним понятия «правовое государство» и «правовая культура» не решился, но в отношении понятия «правовая жизнь» у него однозначное мнение: это – псевдоюридическое понятие.

В Российской Федерации с 2000 года издается журнал «Правовая политика и правовая жизнь», а в Республике Таджикистан – с 2013 года журнал «Правовая жизнь». Если следовать логике автора мо-

нографии, то в Российской Федерации надо бы издавать журнал «Правовая политика и правовая действительность», а в Республике Таджикистан – журнал «Правовая действительность». Но этого нет.

Если вдуматься, то в теоретической и практической юриспруденции к наиболее широкой категории не относится ни «правовая жизнь», ни «правовая действительность». Такой категорией является право как идея, как понятие, как феномен в многообразии видов, содержательных форм, функций, структур, проявлений.

Ни правовая жизнь, ни правовая действительность не являются, с одной стороны, правом как таковым, а с другой – жизнью и действительностью в их природном и социальном естестве. Но в связке – в одной как «правовая жизнь», в другой как «правовая действительность» – появляется новое качество, характеризующее состояние находящихся и развивающихся в мире юридических условностей человека, общества и его государственности с разных, но взаимосвязанных сторон. И в нем всегда можно обнаружить общее, особенное, единичное (уникальное), переходы из одного качества в другое и т. д., что особенно ярко проявляется, если изучать право предметно, не только в разрезе внутригосударственного права (национального законодательства) или международного права, и в плане сравнительного правоведения. Представляется, что «правовая жизнь» и «правовая действительность» совместимые понятия.

Правовая жизнь – это действительность права (правовая действительность) в смысле одушевленного механизма правового регулирования в процессе деятельности субъектов права (физических лиц, юридических лиц и других юридически значимых образований) в условиях действия различных факторов, в том числе тех, которые представляют опасность природного, социального, техногенного и иного характера. Если исходить из этого посыла, то спорить со сторонниками концепции «правовой жизни» нет особых оснований. Но это не значит, что возбраняется критиковать их публикации, исходя из критериев качества, истины, ценности, полезности, эффективности и т. д. Кстати, если ссылаться на статью 3 Всеобщей декларации прав от 10 декабря 1948 года, часть 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации, то вполне мог бы издаваться журнал «Право на жизнь»[1]. Этим понятием охватываются практически все стороны жизни и деятельности людей и образованных ими ассоциаций.

Владимир Михайлович справедливо указывает на связанность понятий «ответственность» и «безответственность», «поощрение» и «депоощрение». Существуют различные концепции юридической ответственности. Кратко они могут быть обозначены так: «ответственность – мера принуждения», «ответственность – наказание», «ответственность – санкция», «ответственность – состояние»; «ответственность – способность», «ответственность – правоотношение»; «ответственность – отношение» [2, с. 187–200]. В юридической литературе ряд авторов отстаивает идею, что юридическая ответственность двухаспектна в том смысле, что необходимо различать две ее разновидности: негативную (ретроспективную) и позитивную (проспективную). Под последним понимается не ответственность субъекта права за совершенное правонарушение (проступок, деликт, преступление), а его правомерное поведение, обусловленное сознательным отношением к выбору линии жизни, твердым и обоснованным следованием честным и совестливым человеком долгу, обязательствам.

Профессор В.М. Баранов самым решительным образом отвергает концепцию «позитивной юридической ответственности», оценивая ее как искусственную ложную неправовую конструкцию, и критикует тех авторов, которые ее придерживаются. Он пишет: «... создание концепции «позитивной юридической ответственности» есть конкретный вариант семиургии (знакотворчества), то есть познавательной деятельности по формированию новых знаков и введению их в жизнь. Но дело в том, что это не юридические знаки и символы, и введение их происходит не в правовой

[1] Допустим и вариант – «Право и жизнь».

язык» [1, с. 106]. «Позитивная юридическая ответственность ... «мертворожденное» неживое, «книжное право» [1, с. 109], «... проявление доктринальной конъюнктурности, стремление политизировать институт юридической ответственности, неосновательно перенасытить ее моральной составляющей в интересах экономически и политически властвующей элиты» [1, с. 125], «... симулякр, то есть образ отсутствующей правовой действительности, объект, за которым не стоит никакой реальности, пустая форма, псевдовещь, замещающая реальность» [1, с. 37]. По В.М. Баранову, «собственно юридическая ответственность существует только в своем ретроспективном варианте, а «позитивная юридическая ответственность» в любом истолковании является проявлением социальной ответственности либо синтезом ее разных видов» [1, с. 131]. Он солидарен с В.В. Сорокиным, который полагает, что проблему позитивной юридической ответственности пора закрыть как теоретически и практически несостоятельную. Позитивной юридической ответственности не существует [3, с. 272].

Закрывать тему, думается, не надо. О некоторых вопросах в науке (особенно в философии) дискутируют столетиями. Но в том, что в правовом отношении юридическая ответственность мыслима только как ретроспективная, думается, Владимир Михайлович прав. Ведь она обусловлена конструктивными особенностями соответствующего правоотношения, стороны которого в случае проявления безответственности в поведении отвечают за поступок один перед другим, всякий и каждый – перед государством, а государство – перед обществом. И здесь особенную остроту обретает вопрос об основании юридической ответственности, особенно о вине, риске.

Юридическая ответственность в таком понимании имеет и определенное позитивное значение, но не в смысле, что существует самостоятельная разновидность юридической ответственности – позитивная, а в другом. Факт существования юридической ответственности как особого института права вынуждает людей, какой бы у них, как у субъектов права, социальный и правовой статус ни был, вести себя социально ответственно, а не произвольно; благоразумно, осмотрительно, держась в любой сфере социально-полезного, правомерного, доброго и справедливого, правового образа жизни.

Некоторые авторы отстаивают положение, согласно которому позитивной юридической ответственностью является поощрение и оно закрепляется в поощрительных санкциях. Владимир Михайлович не разделяет также и эту концепцию. Он пишет: «... юридическая конструкция «поощрительная санкция», по моему глубокому убеждению, представляет собой искусственное, в значительной мере ложное (для юридической сферы!) построение. Ее внедрение в правовую науку и практику не только не дает какого-либо прироста знаний, но причиняет значительный ущерб многим устоявшимся категориальным рядам как теории государства и права, так и отраслевых юридических наук» [1, с. 58]. Общий вывод: конструкция «поощрительной санкции в праве» – теоретически надуманная, практически ненужная, дидактически вредная [1, с. 63].

Профессор В.М. Баранов – пионер в исследовании правовой природы, структуры, функций поощрительных норм права, знаток проблем поощрения и депоощрения, и он в своих суждениях и выводах во многом прав. Однако проблема столь сложная, тонкая, многогранная, что, представляется, до конца еще не прояснена и требует более углубленной проработки. Понятие «поощрительная санкция» – не столь бессмысленное, чтобы без учета отраслевой и институциональной специфики правового регулирования общественных отношений, а также режимных особенностей этого процесса всегда относиться к нему как к псевдопонятию, особенно если не рассматривать санкцию узко юридически, только как элемент нормы права, определяющий вид и меру наказания.

Не все рассуждения Владимира Михайловича, тезисы и антитезисы, как отмечает он сам, принимаются во внимание его оппонентами. Но в погруженности в исследуемые вопросы, в остроумии и изобретательности в аргументированном отстаивании своей научной позиции ему не откажешь. Идет сложный и противоречивый процесс трансформации социума в новое состояние, пере-

хода его (социума) в подлинно человеческое общество, демократическую государственность, гуманистическое право – право, соединяющего в себе то лучшее, что заключено в современном позитивном праве, с теми новыми регулятивными инструментариями, которые рождаются в обществе и его государственности в общем потоке социального развития, в ситуации небывалого взлета науки, техники и технологий. И творческие, новаторские, даже в чем-то парадоксальные работы, к которым может быть отнесена и данная рецензируемая монография профессора Владимира Михайловича Баранова, способствуют решению возникающих на этом пути задач в правовом освещении.

Список литературы

1. Баранов В.М. «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. М. : Блок-Принт. 2022. 176 с.
2. Самигуллин В.К. Начала гуманистического права (очерки по курсу общей теории права). Уфа, 2013. 384 с.
3. Сорокин В.В. Психологические аспекты права : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. 352 с.

References

1. Baranov V.M. «Pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost'»: spornyj koncept, mnimaya praktika, virtual'naya tekhnika : monografiya. M. : Blok-Print. 2022. 176 s.
2. Samigullin V.K. Nachala gumanisticheskogo prava (ocherki po kursu obshchej teorii prava). Ufa, 2013. 384 s.
3. Sorokin V.V. Psihologicheskie aspekty prava : monografiya. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. 352 s.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, professor at the Departament of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Professor.

Рецензия поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

The review was received by the 27.01.2025; accepted for publication 10.03.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ….) или изменений (с изм. от ….), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют от отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.